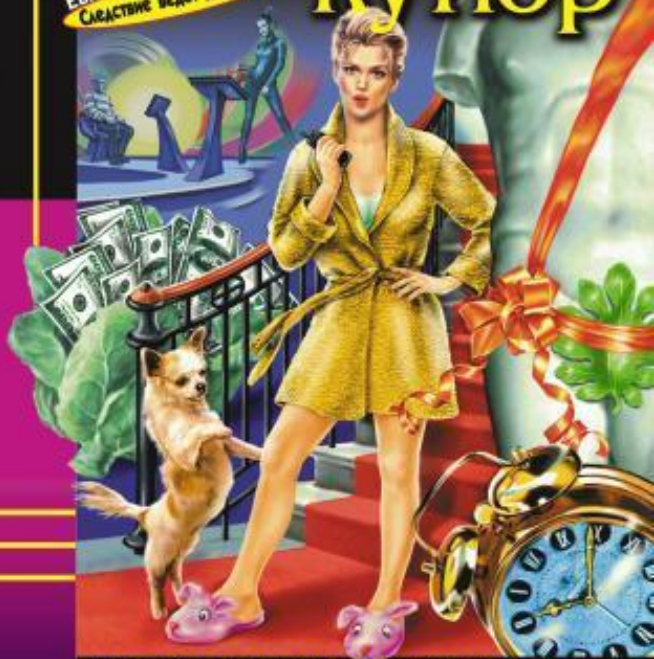

Дарья Донцова

Ю ИГОВЫЙ ЛИСТОЧЕК *от* КУТЮР

Евдокия Романова
СЧАСТЬЕ ВЕДЕТ АНАТОЛИЯ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
ФИГОВЫЙ ЛИСТОЧЕК ОТ КУТЮР
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 10

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123210
Фиговый листочек от кутюр: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-02768-8

Аннотация

И это безобразие называется летний отдых! На этот раз мне, Евлампии Романовой, придется раскрыть чисто «семейное» убийство... Но все по порядку. Только я с детьми и животными переехала на дачу в Алябьеве, как она... развалилась, сложилась, как карточный домик. Виноват в этом оказался наш новый сосед Глеб Лукич. Он построил свой особняк слишком близко от нашей дачи, и ее фундамент не выдержал... Мы переехали жить в дом гостеприимного соседа. Кирка и Лиза подружились с младшей дочерью хозяина и его молодой женой. Все они обожали розыгрыши и приколы, чем изрядно трепали нервы другим обитателям дома. И вот случился самый невероятный «прикол» – кто-то ночью застрелил Глеба Лукича. Ужас! Мы в одном доме с убийцей! Ведь чужой не мог проникнуть в эту

цитадель... И, конечно же, именно мне предстоит вычислить затаившегося гада...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Дарья Донцова

Фиговый листочек от кутюр

Глава 1

Июнь в этом году выдался отвратительный. На небесах кто-то решил, что немного дождика на земле не помешает, и открыл кран с водой. Первого, второго, третьего и четвертого числа ливень стоял просто тропический, ни одного просвета в тучах. Тот, кто открутил кран, очевидно, лег спать или просто забыл о том, что водопровод работает.

Пятого июня вечером Кирюшка простонал:

– Если завтра продолжится потоп, я просто сойду с ума!

– Тебе это не грозит, – хмыкнула Лизавета.

От тоски Кирюша перестал ловить мышей и подставился:

– Почему?

– Потому, – мигом заявила обрадованная его ошибкой Лизавета. – Нельзя лишиться того, чего никогда не было. Я имею в виду твой ум!

Обозленный Кирюша швырнул в девочку горбушкой батона и не попал. Лиза не осталась в долгу и шлепнула его посудным полотенцем. Через секунду они уже вовсю дрались

на террасе, в разные стороны разлетались газеты, продукты, вещи. Истосковавшие без долгих прогулок собаки, истощенно лая, носились вокруг «воинов». Я поспешила ретироваться с поля битвы на второй этаж и затаилась у себя в спальне, укрывшись одеялом. Кирюша и Лиза просто извелись от постоянного пребывания в доме. Они-то надеялись гонять на велосипедах, лазить по деревьям, купаться в пруду и строить шалаши, а пришлось лежать на диване, тупо пялясь в телевизор, который, как назло, не показывал ничего хорошего.

Если разобраться, на даче, даже благоустроенной, в дождливую погоду тоска. Наверное, поэтому Лиза и Кирюшка без конца ругаются, спорят, а когда аргументы заканчиваются, переходят к прямым боевым действиям. Призвать их к порядку невозможно, разобраться, кто виноват, тоже.

Стоит только в сердцах воскликнуть: «Лиза, отстань от Кирилла!» – как девочка, плавно въехавшая в подростковый возраст, кричит: «Ага, он первый начал, вечно ты его защищаешь!»

С надутыми губами она так хлопает дверью о косяк, что наши собаки подскакивают на диванах и начинают гневно лаять. Справедливости ради следует отметить, что Кирюша, если мой укор обращен в его адрес, поступает точно так же. Не знаю, каким образом другие женщины, у которых в семьях имеются те, кого немцы зовут *backfisch*¹, сохраняют психическое здоровье, мне же частенько хочется схватить

¹ Backfisch – подросток (нем.).

Кирюшку с Лизаветой за шиворот и столкнуть лбами. От этого поступка меня удерживает только хорошее воспитание. Моя мама, оперная певица, говорила:

– Интеллигентный человек обязан всегда держать себя в руках.

Впрочем, у нее был только один ребенок, девочка, то бишь я, болезненная, тихая, просидевшая все детство и юность за арфой. Именно на этой самой даче, где сейчас дерутся Кирюша и Лиза, я молча коротала часы у стола, вырезая куколок из бумаги. Подруг у меня не было, велосипед родители не хотели покупать, боясь, что дочь упадет и расшибется, а хлопать дверью о косяк на замечание родителей мне просто не приходило в голову.

Один раз я попыталась было заняться воспитанием Кирюшки с Лизаветой и произнесла сакраментальную фразу:

– Вот когда я сама была маленькой, дети вели себя совершенно по-другому...

Сладкая парочка перестала драться, повернула ко мне разгоряченные лица и обрушила на голову незадачливого «Макаренко» гневную отповедь.

– В твоё время, Лампа, – заорал Кирюшка, – дети ходили строем, в одинаковой одежде, не имели компьютера!..

– И видика, – подхватила Лизавета. – Ужас! Каменный век! Естественно, старики издевались над детьми, как хотели.

– Сама говорила, что тебе разрешали смотреть телик толь-

ко двадцать минут в день, – хихикал Кирюша.

– И косу велели заплетать до десятого класса!

– Просто рабовладельческий строй!

– А на лето вам задавали читать Горького!!!

– Он совсем не такой уж плохой писатель, – пискнула я.

– Отстой, – хором сообщили Кирюша с Лизаветой и упорно продолжили драку.

Я в глубокой задумчивости ушла в свою комнату. Естественно, талантливого прозаика-самоучку нельзя сравнить с Диккенсом, но, с другой стороны, это ведь не комиксы о жизни Покемонов, которые обожает Лизавета, а литература, призывающая...

Так и не додумавшись, куда зовет школьников Горький, я приняла решение: хотя дратья – на здоровье, мешать не стану. И теперь, лишь только в доме начинают летать столы и стулья, я преспокойно удаляюсь к себе, отвечая на любые негодующие вопли:

– Сами разбирайтесь.

Под оглушительные крики, доносящиеся с террасы, я стала мирно засыпать, веки потяжелели, наши мопсихи Муля и Ада залезли ко мне под одеяло и навалились на спину теплыми, совершенно шелковыми боками. Я хотела спихнуть обнаглевших собачек, но не было сил, Морфей окончательно затянул меня в свое болото.

Внезапно раздался оглушительный треск. Я подскочила на кровати. Ей-богу, это уже слишком! Они что, решили раз-

ломать дом? Я встала, надела тапки, халат, и тут вновь донесся жуткий грохот.

– Блин, – завопил Кирюша, – спасай животных, Лизка, беги за Лампой! Землетрясение!

Схватив Мулю и Аду, я ринулась по лестнице вниз. Ступеньки ходили под ногами ходуном. Сейсмологическая активность в Подмоскovie? В поселке, который расположен совсем рядом со столицей? Да быть такого не может. Но раздумывать было недосуг, половицы тряслись, как под током, стены шатались. Сунув по дороге под мышку кошку Пингву, я вылетела в сад; там уже, поливаемые дождем, стояли Кирюша и Лизавета.

– Что случилось?! – проорала я, пытаюсь смахнуть с лица воду.

– Не знаем! – крикнули в ответ дети, и в ту же минуту, издав оглушительный скрежет, наша дача сначала завалилась на один бок, потом рухнула, превратившись в кучу обломков и битого стекла. Мы остались под дождем, в тапках и домашней одежде.

– Ох и не фи́га себе! – закричала Лиза. – Что это было?

– Не знаю, – ошарашенно ответила я.

– Нас подорвали чеченские террористы, – высказал предположение Кирюша.

– Не мели чушь, – отмахнулась Лизавета.

Испугавшись, что они сейчас начнут драться на остатках того, что еще десять минут назад было пусть не новым, но

очень уютным домом, я быстро сказала:

– Ну-ка, давайте сообразим, с чем мы остались.

Через секунду стало ясно: все животные с нами. Я выволокла мопсик Мулю и Аду, прихватив по дороге кошку Пингву. Кирюшка вытащил стаффордширскую терьериху Рейчел и кота Клауса. Лизавета спасла киску Семирамиду и двортерьера Рамика.

– Так, – облегченно сказала я, – вроде потерь нет!

– Жаба Гертруда! – взвыл Кирюшка. – Бедняжка! Она погибла в мучениях.

Слезы потекли по его курносому личику.

– Ну, успокойся, – забубнила, шмыгая носом, Лизавета. – Жабы, они знаешь какие живучие, вылезет.

– Она не сумеет жить в природе, – рыдал мальчик. – Я ей даже мух ловлю, сама не умеет!

Лиза помолчала и тоже заревела. В этот момент в кармане моего халата началось шевеление. Я сунула туда руку и выудила совершенно живую, здоровую и довольную жизнью Гертруду.

– Лампа, – заскакал по жидкой грязи Кирюшка, – дай я тебя поцелую, ты спасла Гертруду, нет, какая ты умная! Умнее всех!

Я скромно улыбнулась. Может, я и впрямь умнее всех, только, ей-богу, не понимаю, каким образом жаба оказалась в кармане. Я ее абсолютно точно туда не клала, может, она впрыгнула сама?

Поежившись под ледяным, совершенно не летним дождем, я вздохнула. Животные все спасены, но никто не вспомнил о деньгах, документах или хотя бы о куртках с ботинками, и сейчас мы представляем собой живописную группу: Кирюша в рваных шортах и футболке, запачканной шоколадом, Лиза в голубом платье-стрейч без рукавов, и я в халате. На ногах у детей резиновые шлепки, мои конечности украшали хорошенькие розовенькие тапочки в виде зайчиков. Правда, сейчас они больше походили на две половые тряпки невразумительного цвета. Сердясь на себя за непредусмотрительность, я довольно резко велела:

– Пошли к Редькиным.

Макар Сергеевич Редькин, генерал в отставке, является председателем правления нашего дачного городка. Бравый вояка отлично знал моих родителей, к тому же у него огромный дом и взбалмошная семья: дети, невестки, внуки, родственники всевозможных мастей. По участку Редькиных бегают три собаки и две кошки, нашим животным там будут рады, а еще у Макара Сергеевича тринадцатилетний племянник Егор и пятнадцатилетняя дочка Ньюша. Генерал, самозабвенный бабник, гордится тем, что никогда не изменял женам. Кстати, это правда. Макар Сергеевич просто бросал надоевшую супругу и заводил новую спутницу жизни, поэтому в его детях и внуках можно запутаться, к тому же возникла странная ситуация: последняя его дочь, Ньюша, младше первых внуков...

Но мне наплевать на моральный облик Макара Сергеевича. Главное, у них полно ребят, значит, Лизе и Кирюшке мигом принесут подобающую одежду, скорей всего предложат переодеться и мне.

– Давайте, – поторопила я детей, – вперед и с песней.

Мы зашлепали по жидкой глине. Рамик и Рейчел, обладатели длинных, мускулистых ног, неслись по грязи словно вездеходы, этим собакам плевать на непогоду. Рейчел, как все стаффорды, полная пофигистка, а Рамик не испытывает никаких комплексов. Вот мопсикхи недовольно ворчали, сидя у детей на руках. Опустить их на землю было невозможно, мигом лягут и откажутся идти; кошки тоже негодовали и время от времени издавали сдавленное фырканье, особенно возмущалась Пингва.

– Ёксель-моксель, – прогремел Макар Сергеевич, увидав на ступеньках своего дома нашу компанию, – вы что, из плена вырвались?

Я стянула с ног «зайчиков», швырнула их под крыльцо и пробормотала:

– Почти.

– Что случилось?

– Вы не поверите!

– Нашу дачу подорвали чеченские террористы! – гордо заявил Кирюшка.

– ... – сказал генерал, – врешь!

– Дом рухнул, – вздохнула я, чувствуя дикую усталость, –

весь развалился.

– Анька! – заорал Редькин.

На террасу высунулась его последняя жена, моя одногодка.

– Ой, Лампа, привет! Хорошо, что заглянули, только пирог вынула из духовки, будете?

– Да!!! – взвизгнули дети.

– К ... матери плюшки! – взвился Макар Сергеевич. – Объявляю осадное положение. Всем приготовиться к эвакуации! Сухой паек и смена белья! Анька, собирай детей. Ленка, Сонька, Ритка, сюда, шалавы!

Выскочили невестки.

– Живо, живо, – распоряжался генерал. – Закрывать окна, обеспечить запас питьевой воды, керосин, свечи и спички.

Невестки разинули рты. Лена ошарашенно спросила:

– Папа, ты с крыльца не падал?

– Молчать! – грохотал генерал. – Во вверенном мне поселке факт терроризма налицо!

Аня тяжело вздохнула:

– Марик, надень дождевик, сапоги и сходи лично посмотри, что случилось. Юра, Сеня, проводите отца. А я пока всех переодену и накормлю.

Генерал, который неизменно оказывался под каблуком у каждой жены, тут же притих и вполне мирно сказал:

– Твоя правда, кисонька, нужно провести разведку на местности.

Стоит ли говорить, что следующие три дня в поселке только и судачили о нашей даче. Макар Сергеевич развил бурную деятельность. По участку, где еще недавно высился дом, носились какие-то люди, размахивающие бумагами, а генерал, словно Наполеон, управлял процессом. В среду Макар Сергеевич заявил:

– Иди сюда!

Я вылезла из гамака и в сопровождении мопсов явилась в генеральскую светелку на первом этаже.

– Садись и слушай, – велел старик. – Вот заключение комиссии.

Чем дольше он читал, тем больше у меня отвисала челюсть.

Алябьево, где разместились наши дачные владения, застраивалось в 60-е годы. Никита Хрущев, тогдашний главный человек Страны Советов, любил военных, а мой отец, хоть и был доктором наук, профессором и академиком, имел на плечах генеральские погоны, работал на военно-промышленный комплекс. Никита Сергеевич был человек широкий, совершенно не жадный, поэтому, когда военные попросили себе кусок земли под дачи, генсек велел нарезать им ее столько, сколько они хотят. В результате участки тут у нас такие, что мы даже не знаем, что находится в лесу за домом. Да еще наш надел оказался последним на линии, за ним опушка, а далее – просто чаща, в которой, как уверяет Кирюшка, водятся волки.

Долгие годы в поселке жили только свои, продать или купить дачу в Алябьеве было невозможно, но затем времена переменялись. Сейчас тут появилось много новых красивых особняков. Честно говоря, старые дома смотрятся возле них убого. Один из таких дворцов возник и около нашей дачки, на опушке возле леса. Дом стоит очень близко от нас, впритык к забору, мы еще недоумевали, отчего хозяева не поставили его чуть подальше. С новыми соседями мы познакомиться не успели. Прошлой осенью, когда мы уезжали в город, на опушке росла высокая, в пояс, трава, а когда в этом году в конце мая прибыли, чтобы открыть новый дачный сезон, обнаружили высоченный бетонный забор и выглядывающую из-за него крышу, покрытую красивой красной черепицей. Из-за забора, больше похожего на заграждение от бронетехники, не доносится никаких звуков, только видеокамеры иногда поворачиваются с легким шуршанием, когда кто-нибудь подбегает к бетонным блокам совсем близко, а по ночам ярко вспыхивает свет прожекторов. Местное «сарафанное» радио утверждает, что там живет карлик, без семьи, разъезжающий по дому в инвалидном кресле. Услышав в первый раз эту версию, я оторопела и удивилась:

– Почему карлик?

– Такой уродился, – развела руками главная сплетница, вдова генерала Лялина, Марья Гавриловна.

– Отчего в инвалидной коляске? – не успокаивалась я.

– Так он мафиози, – охотно принялась растолковывать

Марья Гавриловна. — Что-то они там не поделили, и ему прострелили ноги.

На мой взгляд, она несла дикую чушь, но Лизе с Кирюшкой эта версия пришлась по вкусу.

И вот теперь выясняется, что именно из-за пристанища безногого карлика мы лишились нашей любимой дачки.

— Вот, — тыкал мне в нос кипой бумаг Макар Сергеевич, — тут всё, смотри, почва в поселке...

Минут через двадцать до меня дошла суть дела. Не стану мучить вас подробностями, объясню вкратце. Оказывается, милая опушка с густой травой возле леса превращалась в болото. Новые хозяева осушили его, но дом поставили на «твердом» месте, поэтому здание оказалось почти вплотную придвинуто к нам. Огромное, трехэтажное, с бассейном, оно потребовало тяжелого фундамента, да еще бетонный забор, гараж на четыре машины, домик садовника... К несчастью, именно на границе наших участков обнаружился дефект почвы. Место оказалось не таким «твердым», как считали новые жильцы, и в один далеко не прекрасный момент получился перекося земли. Может быть, все бы и ограничилось легким наклоном нашей дачи, но длительные дожди сделали свое черное дело, и бревенчатое сооружение рухнуло.

— Это они виноваты, Ларионовы, их предупреждали, что дом надо ставить поодаль, нет, не послушались! И что вышло, мать их с музыкой, — злился Макар Сергеевич. — Вот

сейчас он сюда явится...

– Кто? – я продолжала ничего не понимать.

– Да ты чем слушаешь, ухом или брюхом? – взвился генерал. – Хозяин идет, Ларионов Глеб Лукич. Ты ему должна судом пригрозить, поняла, дурында?!

В этот момент раздалось шуршание, я машинально выглянула в окно и увидела, как из большой лаково-черной иномарки легко вылезает стройный парень в джинсах и элегантной светлой рубашке. Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Юноша явно из породы нуворишей. Дачу Редькина и дворец господина Ларионова разделяют метров триста, не больше, но парнишка предпочел проехать это расстояние в авто. Боюсь, будет трудно с ним договориться.

– Эй, – ткнул меня в бок Макар Сергеевич, – не вешай нос, храброго пуля боится, смелого штык не берет, язви их мать...

Дверь калитки распахнулась, в светлицу генерала влетел аромат дорогого одеколона, хороших сигарет и качественно-го коньяка.

– Добрый день, Макар Сергеевич.

– И вам того же, Глеб Лукич, присаживайтесь.

Юноша подошел к столу, я глянула в его лицо и оторопела. Стройное спортивное тело венчала голова человека, много пожившего и повидавшего. Глебу Лукичу было лет шестьдесят, не меньше.

Глава 2

Следующие полчаса Макар Сергеевич, старательно пытаюсь не употреблять крепкие выражения, растолковывал господину Ларионову, что случилось. Глеб Лукич слушал молча, изредка вздергивая брови. Потом, оглядев меня с головы до ног, вежливо осведомился: – Вы разрешите? – Взял папку с бумагами и принялся их изучать.

Мы с генералом терпеливо ждали.

– Что ж, – сказал наконец Глеб Лукич, – дело совершенно ясное, более того...

– Имейте в виду, – налился свекольной краснотой генерал, – я не дам в обиду эту девочку, мы с ее отцом... Э, да что там... Она подаст в суд на вас, так и знайте! Наш поселок особенный, тут...

Ларионов улыбнулся и повернулся ко мне:

– А что, обязательно судиться?

Улыбка волшебным образом преобразила лицо мужика, стало понятно, что он обаятелен и, скорей всего, как и Редькин, опытный ловелас.

– Нет, – пробормотала я, – можно решить дело миром, только как?

– Да просто, – спокойно пожал плечами Ларионов. – Я построю вам новую дачу, раз старая рухнула по моей вине. Таковую же, как была... Сколько у вас комнат?

– Пять: три внизу, две наверху и веранда.

– Без проблем, – сообщил Глеб Лукич и, вытащив из кармана крохотный мобильник, сказал: – Олег, немедленно бери Константина и дуйте в Алябьево.

Потом, положив аппарат на стол, Ларионов продолжил, взглянув на часы:

– К полудню прибудет архитектор, и начнем.

Ошарашенная подобной оперативностью, я молчала, но Макар Сергеевич, приготовившийся к длительному скандалу, был крайне недоволен и решил хоть немного посвариться:

– Оно хорошо, конечно, что вы так реагируете, только где Лампа станет жить? Между прочим, у нее дети!

Глеб Лукич спокойно поинтересовался:

– Что, и впрямь негде?

Я растеряннo кивнула. Дело в том, что в нашей квартире в Москве начался ремонт. Мы специально ждали лета, чтобы начать обустройство. Вообще, в нашей семье много народа. Во-первых, моя лучшая подруга Катя, ее сыновья Кирюша и Сережа, жена последнего Юля, Лизавета и я, Евлампия Романова. Каким образом мы все оказались вместе, рассказывать тут не стану, но поверьте, дружба соединила нас крепче, чем иных людей родство². Квартира наша, объединенная из

² История знакомства Кати и Лампы описана в романе «Маникюр для покойника», о появлении Лизы рассказывается в детективе «Гадюка в сиропе». Книги выпущены издательством «ЭКСМО-Пресс» в серии «Иронический детектив».

двух, тихо ветшала, но мы старательно не замечали пятен на обоях и постоянно отлетающего кафеля. Но когда Кирюше на кровать рухнул увесистый кусок штукатурки, а на следующий день сломалась оконная рама в кухне, стало понятно, что откладывать ремонт более нельзя.

Мы с Катюшей рассчитали все замечательно. Сережка и Юля в июне уедут к приятелям в Крым, в июле им предстоит командировки, скорей всего, что и август пройдет в разъездах. Катюша, она у нас кандидат медицинских наук, хирург, отправилась на три летних месяца в клинику города Юм, штат Пенсильвания, это в Америке. Катерину часто зовут «на гастроли», а она не отказывается, желая побольше заработать. Я с Кирюшей, Лизаветой и животными выехала на дачу. На семейном совете мы решили, как «белые люди», нанять прораба, который стал руководить процессом ремонта, избавив хозяев от мучительных переговоров с рабочими. Все шло точно по плану... И вот теперь нам с животными просто некуда деваться, в квартире крушат стены и выламывают дверные проемы, а дача лежит в руинах.

– Совсем негде? – настаивал Глеб Лукич.

Я рассказала ему о ремонте. Пару секунд Ларионов молча смотрел на меня, потом решительно хлопнул ладонью по столешнице.

– Собирайся.

– Куда?

– Поедешь ко мне в дом.

– Нет, это невозможно, – затрясла я головой.

– Почему?

– Мы совсем незнакомы...

– Ерунда.

– Но животные...

– Плевать, у самих собака...

– Нас очень много!

– В доме больше двадцати комнат, добрая половина которых пустует.

– Но...

– Послушай, – тихо сказал Глеб Лукич, – как тебя зовут?

– Лампа.

– Имей в виду, когда я говорю, остальные слушают и соглашаются, ясно? Быстро собирай детей, собак, кошек, кто там у тебя еще, рыбки?

– Нет, жаба Гертруда, – растерянно уточнила я.

– Жабу тоже не бросим, – рассмеялся Ларионов. – Двигайся, машина ждет.

– Спасибо, мы дойдем.

Глеб Лукич вздохнул:

– Давай шевелись, пакуй шмотки – и в «мерс».

– Наши вещи пропали, собирать нечего.

– Все?

– Да. То, что сейчас на нас, принадлежит Редькиным.

– Ладно, завтра съездишь в магазин и купишь все новое, за мой счет, естественно.

– Мы не нищие, спасибо...

Сказав последнюю фразу, я примолкла: деньги-то тоже остались в доме.

– Лампа, – строго заявил Глеб Лукич, – немедленно в машину! Эй, как вас там, Лампины дети, шагом марш сюда.

Я порысила к «Мерседесу». Все наши привычки и комплексы родом из детства. Меня воспитывала крайне авторитарная мама, желавшая своей доченьке только добра. Поэтому все мои детство, юность и большая часть зрелости прошли за ее спиной. Иногда я пыталась отстоять собственное мнение, и тогда мамочка каменным тоном приказывала:

– Изволь слушаться, родители плохого не посоветуют.

С тех пор я мигом подчиняюсь тому, кто повышает на меня голос. Злюсь на себя безумно, но выполняю приказ.

Устроившись на роскошных кожаных подушках, Лиза поинтересовалась:

– А куда нас везут?

– Глеб Лукич пригласил пожить у него, – осторожно пустилась я в объяснения.

– Где?

– В тот дом, что построили возле нас на опушке.

– Так там же безногий карлик! – закричал Кирюша.

Ларионов расхохотался и коротко гуднул. Железные ворота разъехались. «Мерседес» вплыл на участок.

– Историю про карлика, – веселился Глеб Лукич, – я слышал в разных вариантах. Сначала говорили про горбуна, по-

том о больном ДЦП, и вот теперь безногий инвалид, интересно, что вы еще придумаете? Однако у военных какая-то однобокая фантазия, куда ярче бы выглядела история про негра, содержащего гарем из белых рабынь!

– Извините, – пролепетала я, – Кирюша неудачно пошутил. Эй, Лизавета, спихни Рейчел на пол, она когтями сиденье испортит.

– Не стоит волноваться из-за куска телячьей кожи, – пожал плечами Глеб Лукич и велел: – Выходите, прибыли.

Мы вылезли наружу, я окинула взглядом безукоризненно вычищенную территорию, клумбы, симпатичные фонарики и... заорала от ужаса. Прямо посередине изумительно подстриженного газона, на шелковой, нежно-зеленой траве, лежал изуродованный труп девочки-подростка. Ребенок покоился на спине, разбросав в разные стороны руки и ноги. Снежно-белая блузочка была залита ярко-красной кровью, но это еще не самое страшное. Горло ребенка представляло собой зияющую рану. Огромные глаза, не мигая, смотрели в июньское небо.

– Мамочка! – прошептал Кирюша и юркнул назад в «Мерседес».

От автомобиля слышались булькающие звуки. Лизавета, ухватившись за багажник, не сумела удержать рвущийся наружу завтрак. У меня же просто померкло в глазах, а изо рта вырвался вопль, ей-богу, не всякая сирена издаст такой. Единственным спокойным человеком в этой жуткой ситуа-

ции остался Глеб Лукич. Он громко сказал:

– Эй, Тина, ты начинаешь повторяться, вчерашняя история с утопленницей выглядела куда более эффектно.

Внезапно труп сел и захихикал.

– Ну, папуля, мог бы и испугаться, кстати, Рада чуть не скончалась, когда на меня сейчас наткнулась. Прикинь, она вызвала милицию, вот лежу, жду, когда подъедут. Не мог бы ты побыстрее уйти в дом, весь кайф ломаешь.

– Прошу любить и жаловать, – усмехнулся Глеб Лукич, – моя младшая дочь Тина.

– Приветик, – весело кивнула девочка.

Кирюша вылез из машины и пришел в полный восторг:

– Ну, стёбный прикол. А в чем у тебя кофта?

– Это кетчуп «Чумак», – радостно объяснила Тина, – из стеклянной бутылки...

Бледная Лиза прошептала:

– Горло...

– Здорово, да? – захохотала противная девчонка. – Целый час гримировала. Рада так визжала, небось у соседей стекла в их сараюшке повывлетали.

Глеб Лукич закашлялся, и тут ворота вновь раздвинулись, и во двор, одышливо кашляя, вползли бело-синие «Жигули» с надписью «ГБР» на дверях и капоте. Тина молча обвалилась в траву.

– Что тут стряслось? – довольно сурово спросил один из ментов, выбираясь из-за руля.

Взгляд его упал на Тину, и мужик присвистнул:

– Чем вы ее так, а? Колян, гляди.

На свет вылез второй служивый и закачал головой:

– Да уж, впечатляющая картина.

Глеб Лукич вытащил золотой портсигар и принялся, насвистывая, выбирать папироску. Кирюшка и Лизавета затаились у «Мерседеса». Милиционеры пошли к Тине, но не успели они сделать и пары шагов, как Муля и Ада, поняв, что я больше не прижимаю их изо всей силы к груди, выскользнули из моих рук и погалопировали к неподвижно лежащему телу. Коротконогие, животастые, толстозаденькие мопсихи проявляют, когда хотят, чудеса резвости. Вмиг они обогнали парней в форме, сели возле Тины и принялись с ожесточением слизывать с нее кетчуп. Девочка замахала руками и расхохоталась.

– Ой, щекотно, жуть! Уйдите от меня!

Шофер выронил ключи, второй мент попятился и ошарашенно спросил:

– ...как же она жива с такой потерей крови осталась?

– Глянь, Колян, – протянул водитель, – во, блин, чудеса!

Горла-то нет совсем, а говорит и ржет!

Тина вскочила на ноги и заорала:

– Обманули дурачка на четыре кулачка...

Распевая во все горло дразнилку, она ринулась в дом, за ней, отбросив всякое стеснение и церемонии, ринулась наша собачья стая. Кирюша и Лизавета, непривычно тихие, стояли

у роскошной машины. Пару раз они обманывали меня, но дальше подбрасывания в суп мух из пластмассы дело не шло. Видно было, что их терзает зависть.

– Это чегой-то? – совершенно по-детски охнул Колян.

Глеб Лукич достал мобильник и велел:

– Марина, быстро принеси из бара всё для милиции.

Потом открыл портмоне, выудил оттуда две зеленые бумажки, протянул их парням и сказал:

– Вы, ребята, не обижайтесь. Дочка у меня совсем от рук отбилась, без матери растет. Она обычно в колледже время проводит, так сейчас каникулы, вот и бузит, всех пугает.

– А-а-а, – дошло до Коляна, – она живая и здоровая!

– Живее некуда, – подтвердил Глеб Лукич.

Менты спрятали доллары.

– Оно хорошо, что на самом деле ничего не случилось, – вздохнул Колян, – только пусть больше так не шутит.

Глеб Лукич кивнул. На крыльце появилась высокая сухопарая женщина лет пятидесяти, в черном костюме, белом кружевном фартуке и такой же наколке на безупречно причесанной голове. В руках она держала несколько бутылок с коньяком.

– Возьмите, ребята, – радушно предложил Ларионов, – хороший напиток.

Менты не отказались и, прихватив емкости, уехали. Глеб Лукич спокойно сказал:

– Пойдемте, с Тиной вы уже познакомились, теперь пора

и остальных увидеть.

Спустя неделю мы совершенно освоились в огромном доме и выучили имена всех многочисленных его обитателей. Сам Глеб Лукич практически не появлялся на участке. Для меня так и осталось тайной, кем он работает. Рано утром, около восьми, шофер выгонял из гаража «Мерседес», и хозяин отбывал в Москву. Назад он являлся за полночь, иногда не приезжал вовсе, оставаясь ночевать на городской квартире. Всеми делами в доме заправляла его жена Рада. Была она чуть старше Лизаветы, на вид лет двадцать, не больше, я, естественно, ни разу не попыталась уточнить, сколько на самом деле лет хозяйке. Хорошенькая блондиночка с нежно-розовой кожей, Рада была глупа как пробка, чем очень радовала Тину, которая не упускала возможности подтрунить над мачехой. Впрочем, Рада не слишком обижалась, поняв, что стала объектом очередного розыгрыша, начинала первая хохотать и приговаривать:

– Ну купила так купила! Прикол клевый!

Судя по всему, Тина и Рада были страшно довольны друг другом. Тот факт, что Тина дочь Глеба Лукича от другого брака, совершенно не тяготил Радугу, похоже, у нее был легкий, уживчивый характер. Меня с детьми она приняла весьма радушно и сама отвела в комнаты.

Дом Ларионовых поражал великолепием. В свое время я была женой довольно обеспеченного человека. Мне не слиш-

ком приятно вспоминать о той, прежней, жизни, но сейчас уместно заметить: апартаменты, которые тогда занимали мы с Михаилом, не выдерживали никакого сравнения с домом Глеба Лукича.

Этажи соединяла белая мраморная лестница, на которой лежала дорожка, прикрепленная латунными прутьями. У подножия лестницы стояли статуи, стилизованные под греческие скульптуры. Правда, на второй день нашего пребывания Рада невзначай сказала, что муж привез Венер из Афин, и я поняла, что они подлинные. Комнат в здании оказалось столько, что я каждый раз путалась, пытаюсь их сосчитать. Сам Глеб Лукич обитал на втором этаже. В его распоряжении был кабинет, небольшая гостиная, спальня и библиотека. Дальше шла половина Рады. Той принадлежали спальня, будуар и гостиная. Еще на втором этаже имелся тренажерный зал, зимний сад, оранжерея, небольшой кинозал и две комнаты непонятного предназначения. Первый этаж оказался общим. Тут располагались огромная столовая, гостиная, библиотека, кинозал, бильярдная... Из коридора вы попадали в галерею, которая вела к стоящему поодаль домику – в нем помещались бассейн, сауна, русская баня, солярий, массажный кабинет и тренажерный зал.

Правое крыло третьего этажа предназначалось для гостей. Нам выделили по огромной, шикарно обставленной комнате. К моей прилегал небольшой санузел с унитазом, ванной и душевой кабиной. Зато между спальнями Кирюши и Лиза-

веты простиралось бело-розово-золотое великолепие с джакузи, двумя рукомойниками и неисчислимым количеством шкафчиков. В первый же вечер дети вылили в ванну полфлакона геля и потом в полном восторге визжали, глядя, как пугающаяся пена подпирает потолок; дальше шли еще комнаты для гостей, но пустые. В левом крыле жила Тина, тоже не обделенная количеством квадратных метров. Все принадлежавшее ей пространство было завалено игрушками, книжками, дисками и дискетами, компьютерными играми, косметикой, журналами, коробками конфет.

Тина понравилась мне сразу. Из этой тринадцатилетней девочки ключом била энергия. Тихо разговаривать она не умела и носилась по дому словно смерч, частенько роняя стоящие тут и там напольные вазы, статуи и журнальные столики. Глаза ее блестели, волосы развевались, и она ухитрялась быть одновременно на первом, втором, третьем этажах, в саду и бассейне.

Куда меньше пришлась мне по душе другая девочка, вернее, девушка, тоже обитавшая на третьем этаже. Анжелика, внучка Глеба Лукича от какого-то прежнего брака. Девушке недавно исполнилось восемнадцать, но она, похоже, задержалась в подростковом возрасте, потому что заявляла порой вещи, более подходящие для капризной тинейджерки, чем для студентки. А Лика перешла на второй курс суперпрестижного института юриспруденции и дипломатии.

– У нас семестр стоит десять тысяч долларов, – гордо за-

явила она, когда я, желая завести разговор, поинтересовалась, хорошо ли преподают в этом вузе разнообразные науки.

На третьем же этаже оказался и брат Тины Ефим с женой Мариной. Впрочем, вечером того дня, когда Глеб Лукич привез нас, появился еще и его племянник Максим с девушкой, которую он представил всем как свою невесту Настю. Так что народу обедать тут садилась целая куча.

По дому молчаливыми тенями скользили слуги. Улыбчивые, приветливые, мигом выполнявшие все просьбы и приказания. Стоило мне обронить в столовой, что я люблю перед сном почитать детективчик, набивая при этом рот шоколадками, как вечером ночник на тумбочке возле моей кровати был заменен на элегантную настольную лампу, а у окна появился стеллаж, заставленный криминальными романами. Метаморфоза произошла, пока я ужинала. Кто-то сгонял в город, скупил целый книжный магазин, а потом расставил тома на полках. Более того, каждый вечер на тумбочке, как по мановению волшебной палочки, возникала коробочка восхитительного бельгийского шоколада.

Я попыталась поблагодарить Глеба Лукича, но хозяин равнодушно пожал плечами:

– Марине вменяется в обязанность ухаживать за всеми, она получает зарплату.

Марина, очевидно, исполняла роль экономки. Я так и не могла сообразить, живет она в доме или приезжает? Вроде комнаты у нее тут нет, но во вторник, выпуская в семь утра

во двор объедающуюся курятиной Мулю, я увидела ее в холле, как всегда безукоризненно причесанную, а в среду, спустившись около полуночи на кухню за водой, обнаружила ее, помещивающую какао для Тины, которой приспичило испить горячий «Несквик» в кровати. Вот повар, малоразговорчивый Евгений, уходил после девяти. Впрочем, у Ларионовых имелись еще горничные, шофер, садовник и два совершенно квадратных охранника, посменно сидевшие у ворот. Кое-кто из прислуги жил в маленьком домике в глубине сада.

В понедельник вечером в шкафах таинственным образом появилась одежда, обувь, белье и даже косметика с парфюмерией. Я порылась в хорошенькой розовой сумочке, забитой до отказа продукцией «Буржуа». Ладно, предположим, таинственный некто ловко угадал все мои размеры, но как он догадался, что я люблю помаду «золотой песок», коричневатые румяна и бесцветную тушь? К тому же на столике стоял грушевидный флакон «Шисейдо». В конце мая я самозабвенно нюхала продукцию этого опарижевшегoся японца и не купила только потому, что задушила жаба.

Одним словом, я никогда до сих пор не жила в подобном доме, обласканная заботой, в комфорте и полном благополучии. Делать мне было решительно нечего: убирали комнаты, готовили еду, стирали и гладили тут наемные люди, поэтому я валялась в саду на раскладушке под балдахином в окружении детективов и тарелок с фруктами. Стоило слопать персики или клубнику, как пустая емкость мигом наполнялась

доверху. Собаки и кошки носились по газонам и клумбам, им никто не делал замечаний. Садовник, заботливо поправляя сшибленный Мулей куст роз, ласково приговаривал:

– Ах ты, шалунишка, смотри, уколешься, плакать будешь!

Кирюшка и Лизавета вместе с Тиной с гиканьем бегали по огромному участку, истребляя в гигантских количествах мороженое. Погода наладилась, солнце сияло в небе, приятный архитектор притащил план дачи, с нашего старого участка изредка доносился шум. Там разбирали повалившийся дом... Все делалось само собой, быстро, споро, ловко... А еще Евгений оказался потрясающим кондитером: торты со взбитыми сливками, булочки с корицей, рулеты с маком... Одним словом, это был самый настоящий рай на земле, и лето обещало стать великолепным.

Глава 3

Любимым развлечением Тины было пугать окружающих. Впрочем, к сердитой Анжелике, мрачному Ефиму, его постоянно молчащей жене, к Максиму и Насте она не привязывалась. Основным объектом для шуток была избрана Рада, с удивительным постоянством попадавшаяся на крючок. Правда, в понедельник Тина налетела на меня в коридоре и, всхлипывая, показала почти отрезанный палец на правой руке, жуткий, окровавленный, тошнотворный... Но я только рассмеялась.

– Э, нет, дорогая, знаю, знаю, видела такие приколы в подземном переходе у метро.

– Тебя не обманешь, – весело подскочила Тина. – Слушай, как сейчас Рада завизжит.

Вымолвив эту фразу, девочка полетела в гостиную, откуда незамедлительно раздался сначала вопль ужаса, а потом хохот. Рада вновь наступила на те же грабли.

Во вторник Тина подсунула мачехе резиновую куриную ножку, а в среду заменила в ее спальне ночной крем на некоторое снадобье, от которого Рада мигом пошла синими пятнами. Впрочем, отметины легко смылись простой, чуть теплой водой. Но отчего-то последняя шутка обозлила Раду.

– Ну погоди, – пригрозила она, – я отомщу жестоко!

В четверг мы с Тиной после обеда пошли в бассейн и

завизжали. На воде лицом вниз покачивалось безупречно красивое тело Рады. Блондинистые волосы разметались по глади воды. Правда, через секунду я поняла, что шевелюра слишком длинная. Кудри Рады достигали плеч, а у «утопленницы» мотались ниже талии. Впрочем, Тина тоже поняла, что к чему, и, с громким смехом нырнув в бассейн, отбуксировала к бортику резиновую куклу, пугающую своей натуральностью.

– Ну, Радка, – щебетала Тина, – ну, дела! До сих пор она только пугалась!

Рада, окрыленная успехом, решила действовать дальше. В четверг же вечером из гостиной донесся дикий крик Карины. Естественно, все кинулись на звук и обнаружили жену Ефима в полубезумном состоянии, тычущую пальцем куда-то вверх. Я подняла глаза и ахнула. На карнизе висела Рада. Толстая веревка обхватила ее шею, ноги вытянулись, лицо исказилось, наружу торчал синий язык.

– Нет, – взревел Ефим. – Когда же прекратится идиотство, а? Сколько можно дурить?

Рада подняла голову.

– Хотела Тину напугать, прости, Кара.

Бедная жена Ефима, бледная, словно обезжиренный кефир, только пролепетала:

– Здорово получилось! Я чуть не умерла от ужаса!

– А вот и нет! – заорала Тина. – Видно, что у тебя под мышками петли. Вот с языком здорово, чем ты его? Флома-

стером?

– Никогда тебе не догадаться, – хихикала, выпутываясь из веревок, Рада, – черники поела. Ловко, да?

– Сумасшедший дом, – злился Ефим, – надоело! От тебя, Рада, я не ожидал.

Мачеха дошла до двери, потом повернулась к пасынку, который был на добрый десяток лет ее старше, показала ему синий язык и заявила:

– Как ты только живешь с таким занудой, Кара? Совсем шуток не понимает!

– Мрак, – подхватила Тина, и они убежали, веселые, словно канарейки.

– Интересно, – рявкнул Ефим, – какая муха укусила отца, когда он решил жениться на этой особе?

– Фима... – предостерегающе сказала Кара.

– Заткнись! – бросил муж и ушел.

Карина, покраснев, попыталась оправдать супруга:

– У Фимы тяжелые времена, он очень нервничает, я на него совершенно не обижаюсь, газета, знаете ли...

– Ой, не могу! – заржал Максим. – Только нам не надо вешать лапшу на уши. Бизнес, газета... Да Фимкин листок никому на фиг не нужен. Какой у него тираж? Сто экземпляров? Спасибо, дядя Глеб его постоянно финансирует, кабы не он, прогорел бы враз наш Ефимка.

– Мой муж выпускает некоммерческое издание, – дрожащим голосом отбивалась Кара. – Сейчас народу нужны рас-

сказы про секс и насилие, а Фима принципиально пишет о возвышенном.

– Нечего парить нам мозги о его коммерческих успехах, – ерничал Макс, – сидит на шее у отца.

– Пошли лучше чаю попьем, – потянула жениха за рукав Настя.

Обнявшись, парочка исчезла.

– Между прочим, – обиженно заявила Карина, – Максим сам работает у Глеба в офисе, тесть платит ему такие деньги! Он живет за счет дяди, как червяк в яблоке, а других упрекает.

Я не нашлась что ответить на злобное замечание.

В пятницу около обеда, измучившись от жары, я пошла в бассейн и вновь обнаружила там резиновую куклу. Рада начала повторяться.

Я быстренько окунулась, но не стала вынимать куклу на бортик, в конце концов, она предназначалась для Тины.

Обедать мне не хотелось, и я проигнорировала приглашение к столу. Около пяти мимо моей раскладушки, наступив тапкой в тарелку с черешней, промчалась Лизавета, за ней гналась, размахивая мухобойкой, Тина. Я лениво стала следить за детьми, игравшими то ли в догонялки, то ли в салки. Сейчас, когда со всех сторон несутся рассказы о малолетних проститутках и наркоманах, Кирюша, Лиза и Тина радовали своей неиспорченностью. Конечно, они шумные, требовательные, крикливые, покоя не жди, если в радиусе кило-

метра вертится эта троица, но забавы их совершенно невинные и понятные. Ей-богу, вопящие дети, гоняющиеся друг за другом с мухобойками в руках, нравятся мне куда больше, чем тихие подростки, сосредоточенно нюхающие клей!

Несмотря на вторую половину дня, солнце пригревало, и я тихо дремала в саду, отдавшись лени. Наверное, трудно будет после такого лета вновь превращаться в домашний «комбайн». К хорошему привыкаешь быстро, а я настолько обленилась, что даже перестала убирать за собой постель. Да и зачем? Все равно в мое отсутствие в комнату тенью проскальзывает горничная, меняет белье и перестилает огромное, заваленное подушками ложе.

К ужину подали куропаток в сметане. На мой взгляд, эти крохотные птички с темным мясом совсем не вкусны, но все присутствующие лихо расправились со своими порциями. Только прибор Рады остался нетронутым.

– А где наша маменька? – ехидно поинтересовался Ефим.

– Не знаю, – ответила Кара, – я ее сегодня весь день не видела.

– Небось отправилась в салон красоты, – предположил Макс, – она это любит: маски, массажи, то да се.

– Да уж, – не успокаивался Ефим, явно не симпатизировавший Раде, – чем же удержать мужчину ей, бедненькой! Только гладкой мордочкой. Кстати, надо намекнуть отцу: наша «маменька», пользуясь тем, что его никогда нет дома, частенько уходит незнамо куда. Должен заметить, что на про-

шлой неделе она, громко сообщив, будто едет в салон красить волосы, испарилась до ужина. А когда Радочка вернулась, я специально пристально посмотрел на ее прическу: поверьте, она совсем не изменилась! С чем уехала, с тем и приехала. Мне наплевать, где мачеха шляется, но отца жаль...

– Не советую тебе доводить свои умозаключения до дяди Глеба, – хрюкнул Макс, ковыряя вилкой остатки куропатки, – он человек горячий, можешь и по мордасам схлопотать!

– А вот и вкусный пирог. – Карина попыталась погасить ссору в зародыше.

– О, с яблоками, мой любимый! – подхватила я.

Мне тоже не слишком нравится, когда сидящие за одним столом люди начинают палить друг в друга из артиллерийских орудий.

– Замечательно, он с корицей, – присоединилась к нам Настя.

Мы с Карой посмотрели с благодарностью на невесту Макса и начали упоенно обсуждать выпечку, стараясь, чтобы мужчины не смогли вставить в наш диалог даже восклицания.

– Бисквит удался.

– Дрожжевой пирог вкуснее.

– Согласна, с такой «решеткой» сверху.

– Яблоки в меру кислые.

– Да, чересчур сладкая начинка отвратительна.

– А Рада дома, – неожиданно заявил Кирюшка.

– С чего ты это взял? – поинтересовалась я.

– Так все машины, кроме «мерса» дяди Глеба, в гараже, – пояснил мальчик. – Мы в прятки перед ужином играли, и я в тачку Рады залез. Не поехала же она на автобусе?

– Действительно, – растерянно сказала Кара, – Рада никогда не пользуется общественным транспортом.

– Где же она прячется? – удивился Макс. – Почему не показывается?

– Может, на меня обиделась? – предположила Тина. – Я ей за завтраком на стул собачьи какашки из гипса сунула.

– Ты не могла бы воздержаться от объяснений? – взвился Ефим. – Меня сейчас стошнит.

На мой вкус, разговор об обратной перистальтике так же неуместен за столом, как и беседа об экскрементах животных, но я, естественно, не стала делать Ефиму замечаний, просто сказала Тине:

– Не переживай, вы с Радой вечно подтруниваете друг над другом, ей это нравится.

– Не желает общаться с нами – и не надо, – подвел черту Макс, – плакать не станем. Эй, Марина!

Экономка мигом материализовалась в столовой.

– Где хозяйка?

Женщина развела руками:

– Не знаю.

– Она в доме?

– Извините, не видела ее весь день.

Присутствующие молча уставились друг на друга. Неожиданно мне стало страшно, просто жутко...

– В бассейне, – пролепетала я, – с самого утра плавают резиновая кукла, может...

Все понеслись по коридору в «домик здоровья». От испуга Кара зажгла не верхний яркий свет, а боковые бра. Мы уставились на воду, где, раскинув в разные стороны руки, покачивалось нечто с белокурыми волосами. Я заметила, что локонны манекена не свисают ниже пояса, а колышутся у плеч, и почувствовала, как по спине потекли струйки пота.

– Вы думаете, это она? – сипло поинтересовался Ефим.

– Надо посмотреть, – прошептал Макс.

Парню было явно не по себе. Его физиономия слилась по цвету с голубоватым кафелем, которым были облицованы стены.

– Это она, – сказала я. – У куклы были длинные пряди.

– Ее нужно вытащить, – пробормотала Настя.

– Ты способна на такое? – накинудся на невесту жених.

– Нет, – растерянно ответила девушка, – мне очень страшно. Ой, у нее на пальце кольцо Рады, ну то, с брильянтом, который ей так нравится!

– Мама миа, – отступил на шаг назад Ефим, – что делать-то?

– Надо папе позвонить, – дрожащим голосом пробормотала Тина. – На!

И она сунула мне мобильный. Не понимая, отчего сия

миссия возложена на меня, я приложила крохотную трубочку к уху, услышала довольно раздраженное «да» и пролепетала:

– Глеб Лукич, это Лампа.

– Что стряслось? – мигом отреагировал он.

– Тут небольшая неприятность.

– Короче.

– Э-э-э...

– Быстрее, я занят!

– Понимаете, случилось нечто...

– Лампа, сколько тебе надо денег? Если речь идет о сумме, не превышающей двадцать тысяч долларов, то ступай в мой кабинет...

Я обозлилась. Манера Глеба Лукича все регулировать при помощи волшебных зеленых купюр меня покорила, наверное, потому я мигом заорала:

– Рада утонула, насмерть!

– Немедленно еду, – заявил Глеб Лукич и отсоединился.

Сбившись вместе, мы, не в силах более стоять у бассейна, выскочили во двор и сгруппировались на въездной аллее.

– Может, вызвать «Скорую помощь»? – робко предложила Лиза. – Говорят, сейчас могут оживить.

– Она умерла давно, – ответила я. – Еще днем я видела бедняжку и приняла ее за куклу.

– Надо милицию позвать, – заикнулась Настя.

– До приезда папы не следует ничего предпринимать, –

по-взрослому трезво сказала Тина.

Все промолчали, никто не рискнул спорить.

Очевидно, Глеб Лукич нанял вертолет, потому что, несмотря на многочисленные пробки, он прикатил в Алябьево через пятнадцать минут после моего звонка.

– Где? – коротко бросил Ларионов, выскакивая из автомобиля.

За «Мерседесом» во двор влетел микроавтобус и замер у входа в дом.

– В бассейне, – тихо сказал Ефим.

– Давайте, – махнул рукой хозяин.

Из «рафика» вышли несколько мужчин в безукоризненных костюмах. Они мигом исчезли в доме.

– Как это произошло? – приступил к допросу Глеб Лукич.

– Мы не знаем, – прошептала Кара, – вот, может, Лампа...

Глеб Лукич уставился на меня. Еле ворочая жестким, сухим языком, я начала блеять:

– Я пошла купаться...

Но тут послышались шаги. Мужчины, приехавшие вместе с Ларионовым, возникли на шикарном крыльце. Мне показалось, что на мраморные ступени села стая кладбищенских ворон. Один держал под мышкой труп Рады. С волос на мраморные плиты текла вода. Я отшатнулась в сторону. Впрочем, остальные тоже шарахнулись кто куда.

– Это что? – просипел Ефим. – О господи!

В ту же секунду мужик бросил тело несчастной женщины

оземь. То, что было Радой, покатилося по ступенькам и упало к ногам Глеба Лукича.

– Кукла! – завизжала Тина.

– ... – бросил Ларионов. – Вы здесь все с ума никак посходили?

Не успели присутствующие чуть-чуть прийти в себя, как донесся веселый голосок:

– Что случилось? Глебчик, ты дома?!

От ворот шла веселая Рада с корзинкой в руках. Несколько секунд все молча смотрели на нее, потом разом заорали:

– Ты где была?

– У Ершовых, – попятилась Рада, – у Никиты и Лены, они рано утром позвонили и пригласили меня посмотреть свой новый дом. Никита купил тут, в Алябьеве, по моей наводке особняк, вот...

– Значит, – нехорошо улыбаясь, сказал Глеб Лукич, – ты бросила в бассейн идиотскую игрушку и умчалась...

– Нет, – покачала головой Рада, – я даже не ходила к бассейну.

– А кто же решил пошутить? – Хозяин буравил всех глазами. – И почему у идиотского манекена на пальце твое кольцо?

В ответ – молчание. Потом Тина пролепетала: – Это я надела, но не сегодня, а снять забыла! Я вообще только сейчас про него вспомнила.

– Значит, так, – голосом, не предвещающим ничего хоро-

шего, заявил Ларионов, – вы, парни, уезжайте.

Мужчины молча влезли в автобусик и были таковы.

– А вы, друзья, шагом марш в мой кабинет, – с улыбкой на устах приказал Глеб Лукич и пнул куклу ногой.

Я поежилась. Если бы гадюка умела улыбаться, на ее морде небось гуляла бы именно такая ухмылка.

Глава 4

Гнев, упавший на наши головы, был страшен. Досталось всем: постоянно изображающим трупы Тине и Раде, орущим по каждому поводу Кирюшке и Лизавете, ехидно улыбающемуся Максу, дрожащей Карине, беспрестанно хватающемуся за сердце Ефиму и испуганно молчащей Насте. Чаша гнева миновала лишь меня, более того, разъяренный Глеб Лукич гремел:

– Одна Лампа ведет себя прилично! Валяется в саду да почитывает детективчики, обжираясь конфетами. Берите с нее пример.

– Меня тошнит от криминального чтива, – попытался изобразить эстета Ефим.

Секунду отец смотрел на проявившего непокорность сына, потом заявил:

– Велено сидеть в саду и читать Маринину всем!

От его спокойного, глуховатого голоса мне стало так страшно, что я чуть не лишилась чувств.

Утром, около десяти, ко мне поскреблась Тина.

– Сделай доброе дело, – заговорщицки прошептала она, – сходи к папе в кабинет и узнай, какое у него настроение. Обычно он больше двух часов не злится, но вчера прямо со всем раскипятился. Кстати, смотри, что у меня есть!

И она вытащила из кармана вставную челюсть, омерзи-

тельно натуральную, с выбитыми передними зубами.

– Вот, – принялась пояснять Тина, – натягиваешь, и всем кажется, что тебя избили... Ну и как?

– Лучше сними скорей, – испугалась я. – Глеб Лукич еще, не дай бог, увидит.

Тина засмеялась, но как-то нервно и натянуто:

– Нет, папулька у нас не злопамятный. Наорет на всех, кулаками помашет, а потом подарки делает. Он уже раз десять нам с Радкой запрещал веселиться. Голову даю на отсечение – сегодня приедет к ужину и привезет всем что-нибудь замечательное. В прошлый раз, месяц тому назад, он тоже летал на реактивном помеле, а потом Радке досталась шубка, а мне – браслетик с изумрудиками. Ну иди, сунь голову в кабинет и спроси: «Глеб Лукич, можно?» Если рывкнет «занят», быстро убегай, значит, еще не отошел. А ежели улыбнется – «залетай, Лампа», то все в порядке.

– И что я ему потом скажу? Зачем пришла?

Тина призадумалась:

– Денег попроси, скажи, хочешь по магазинам пошляться, он не удивится! Ну давай, иди!

– Сама почему не хочешь? – сопротивлялась я.

– Вдруг он еще злой, – бесхитростно пояснила Тина. – Пусть уж лучше на тебя наорет!

И она вытолкала меня из спальни. Ругая себя за мягкий, податливый характер, я дошла до кабинета хозяина, осторожно поскреблась в дверь, не услышала ответа, приоткрыла

ее и спросила:

– Можно?

Глеб Лукич сидел спиной к двери.

– Можно? – повторила я, думая, что он не услышал меня.

Но он не шевелился. Удивленная сверх меры, я дошла до кресла, взглянула на поджарую, спортивную фигуру и завопила от ужаса.

У хозяина не было лица. Все пространство от волос до шеи покрывала толстая буро-коричневая корка запекшейся крови. Всегда аккуратно причесанная шевелюра торчала дыбом, там, где ранее проходил ровный пробор, виднелось отверстие, черное, круглое, жуткое.

На мой крик мигом прибежал Ефим.

– В чем дело?

Не в силах ответить, я показала пальцем на труп хозяина. Ефим посмотрел на кресло, глаза его расширились, полезли из орбит, щеки и лоб сначала покраснели, потом побагровели, потом стали белые-белые, еще через секунду, тихо всхлипнув, мужик упал на ковер. Я перепугалась еще больше: первый раз личность противоположного пола обрушилась на моих глазах в обморок.

Не успела я заорать во второй раз, как в кабинет влетела куча народа. Впереди шел незнакомый человек, облаченный в роскошный летний костюм из светлого льна; чуть мятые брюки свидетельствовали без слов: ткань, из которой они сделаны, натуральная и очень дорогая. Незнакомец ми-

гом оценил обстановку и тут же выставил всех домочадцев за дверь.

– Ступайте в столовую, – сказал он нам голосом человека, привыкшего раздавать указания.

Все покорно сбились в кучу возле огромного овального стола. Кара рыдала, Рада безостановочно курила, Настя просто тряслась так, словно ее выставили голой на мороз. Максим налил себе за пять минут четыре стакана коньяка... Даже Анжелика выбралась из укрытия и стояла вместе со всеми. До сих пор Лика старательно игнорировала любые семейные сборища. За стол она садилась, только если участие в трапезе принимал Глеб Лукич, в остальных случаях Марина таскала на подносе еду ей в комнату. Девушка не ходила гулять, не ездила в Москву, проводя все время в своей «келье» за письменным столом.

– Она всегда такая? – поинтересовалась я один раз у Кары. Жена Ефима хихикнула:

– Хочет быть умней всех, ученая наша. Мы для нее слишком примитивны, вот и чурается компании.

Но сейчас Лика изменила своим правилам и тоже растерянно маячила в столовой. Никто не произнес ни слова.

Потом я наклонилась к уху Тины и шепнула:

– Кто этот мужик, в костюме?

Так же тихо Тина ответила:

– Роман Миловидов, папин помощник и лучший друг, правая рука, они вместе в банде начинали.

Я отволокла Тину к окну и, пользуясь тем, что остальные пребывают в прострации, спросила:

– Где? В банке?

– В банде, – спокойно уточнила Тина, – у Тарзана. Папа там был казначеем, но потом часть тарзанцев погибла, а остальные прекратили криминальную деятельность и стали заниматься легальным бизнесом.

– Каким? – ошарашенно спросила я, пораженная, как спокойно Тина говорит о вещах, которые детям знать совсем не положено.

– Папа вместе с Романом владеют сетью закусочных «Быстро и вкусно», – пояснила Тина. – Встречала небось такие бело-синие домики.

Я кивнула: еще бы, наш вызов «Макдоналдсу», альтернатива «Русскому быстро». Сама частенько покупала обед в «Быстро и вкусно». В отличие от заведений оборотистого американца там на самом деле съедобная еда, более привычная для российского желудка, и супы подают не те, которые развели из пакетиков, а настоящие бульоны и борщи. К тому же обслуживающий персонал не грубит так, как одетые в красные рубашечки служащие «Русского быстро», и цены в «Быстро и вкусно» намного ниже. Мне очень нравятся эти кафешки, не прикидывающиеся элитными ресторанами, и вот теперь выяснилось, что ими руководил Глеб Лукич.

– Откуда тебе известно об этом Тарзане? – не утерпела я. – Неужели отец рассказал?

Честно говоря, меня немного удивило спокойствие Тины. Или это от шока?

Тина хмыкнула:

– Когда папа с Романом решили сдуру баллотироваться в Государственную думу, их конкуренты живо разыскали всю правду о Тарзане, и в газетах прошла серия статей с такими подробностями!.. Естественно, никуда их не выбрали, а я просто прочитала весь отстой. Ежели интересно, могу дать посмотреть, у меня подшивка есть.

Она помолчала и добавила:

– Я пришла к папе и, положив на стол вырезки, спросила: «Это правда?»

– А он?

– Хмыкнул и сказал: «Лавры Павлика Морозова не дают спать по ночам?»

– А ты?

– Я ответила: «Просто интересно, ты же мой отец». Он тогда пояснил: «Многое правда, но не все. Имей в виду, если покопаться в родословных богатых семей во всем мире, то в каждой, поверь мне, в каждой, найдется предок, разбойничавший на большой дороге, а Америку и Австралию вообще основали каторжники, наверное, поэтому эти страны так процветают. Но крови на мне нет, я возился с деньгами».

– Добрый день, – донесся от порога приятный баритон, – прошу всех сесть и постараться успокоиться. Я понимаю, что вы взволнованы, поэтому, думаю, будет лучше, если попыта-

етесь слегка расслабиться.

Я обернулась. В комнату вошли несколько мужчин, разительно отличавшиеся от Ефима, Макса, покойного Глеба Лукича и хозяйничавшего сейчас в кабинете Ларионова Романа Миловидова.

Несмотря на то что на дворе было утро, от вошедших не пахло одеколоном. Трое из них были одеты в дешевые джинсы, китайские кроссовки и рубашки, купленные не в дорогих бутиках, а на толкучках. Четвертый, тот самый, который призывал сейчас всех расслабиться, щеголял в светлом летнем костюме. Но провисающие плечи пиджака, морщины на лацканах и плохо обработанные петли без слов сообщали: прикид явно не из фирменного магазина. В дом прибыла милиция.

Прошла неделя. Рада с Тиной больше не играли в покойников. Тело Глеба Лукича отдали семье на шестой день после смерти. Я не стала спрашивать, отчего правоохранительные органы так долго держали труп у себя.

Хоронили Ларионова в воскресенье. Похороны были очень пышными. Один гроб из цельного красного дерева, снабженный кондиционером и вышитыми вручную подушкой и покрывалом, тянул на бешеную сумму. Честно говоря, я не очень понимала, зачем надо тратить столько денег на то, что без остатка сгорит в огне, но Рада, словно заведенная, повторяла:

– У Глебушки должно быть все самое лучшее.

Спорить со вдовой не решился никто, даже Ефим, постоянно выказывающий при виде Рады неприязнь, сейчас ласково обнимал ее за плечи и приговаривал:

– Конечно, конечно, ты абсолютно права.

После поминок, на которые пришло несметное количество народа, я, чувствуя себя абсолютно разбитой, кулем рухнула в кровать. Кирюшка и Лиза, ни на шаг не отходившие от заплаканной, одетой во все черное Тины, ночевали у нее в комнате. Не успела я погасить лампу, как в дверь постучались.

– Войдите! – крикнула я и схватила халат. Наверное, Лизе или Кирюшке что-то понадобилось. Но в спальню вошел Роман, одетый, несмотря на более чем поздний час, в элегантный черный костюм.

– Что случилось? – удивилась я.

Мужчина мрачно улыбнулся:

– Все плохое уже произошло, я пришел поговорить.

Не дожидаясь приглашения, он сел на диван и заявил:

– Завтра в десять утра явится нотариус.

– И что?

– Вскроют завещание, поэтому не планирую никаких дел на этот час.

– Я-то с какого бока должна присутствовать при этой процедуре?

Роман пожал плечами:

– Наверное, беспокоитесь, что будет с вашей дачей?

Я пожала плечами:

– Что будет, то и будет, я понимаю, что смерть Глеба Лукича внесла коррективы в планы.

– Вам жаль дома? – спросил Роман.

– Мне жаль Ларионова, – парировала я.

Пару секунд Миловидов смотрел на меня своими темными, непроницаемыми глазами, по их выражению было совершенно непонятно, о чем он думает. Взгляд не выражал ничего: ни интереса, ни сочувствия или приязни. Так смотрит на покупателей плюшевый мишка, поблескивая пуговичками, пришитыми по бокам носа.

Неожиданно Роман спросил:

– Если бы некто, провидение, скажем, предложило вам обмен: оживлю Глеба, а ты откажись от дома. Ваше решение?

Забыв, что на мне только крохотный халатик, вернее, шелковая распашонка, я вскочила с кровати и забегала по комнате в полном возмущении.

– К сожалению, у меня на руках дети и животные, иначе...

– Что? – ползал по мне взглядом Роман. – Что иначе?

– Мигом бы ушла отсюда.

– И вам не нужна новая дача?

– Наш дом дышал на ладан, может, и простоял бы еще лет пять, но неминуемо бы и сам развалился. Мы его не ремонтировали.

– Отчего же? Так нуждаетесь?

– Да нет, деньги можно найти, не хотели возню затевать... Я рассказала Глебу Лукичу правду о состоянии дачи, но он только отмахнулся. Спасибо, конечно, Ларионову, однако, думается, стройку надо прекратить.

– Почему?

– Во-первых, у его семьи теперь нет кормильца и явно возникнут проблемы с деньгами, а во-вторых, ни Рада, ни Ефим, ни Макс ни в чем передо мной не провинились.

Роман вытащил сигареты.

– Вы разрешите?

– Бога ради.

– Имейте в виду, – хмыкнул Миловидов, – средств у сироток хватит, чтобы построить вам фазенду, грех не воспользоваться.

Слово «сиротки» резануло слух, и я мигом крикнула:

– Пусть лучше потратят эти деньги на образование Тины, мы способны сами, если захотим, возвести дом.

Роман поднялся, открыл окно и, выгоняя рукой в сад дым, неожиданно улыбнулся и мигом превратился в приветливого, обаятельного парня.

– Извините, Лампа, за неприятный разговор, но мне требовалось кое-что уяснить для себя.

– Уяснили?

– Да. Уезжать никуда не надо, дом строится, будет готов к середине сентября.

– Спасибо, обойдусь.

– Обиделась? Ей-богу, зря.

– Вы же говорили о том, что у Ларионовых после смерти Глеба Лукича начнутся проблемы.

– Я? – изумился Роман. – Да никогда я не произносил ничего подобного, это вы заявили. Успокойтесь, денег им хватит на все, причем не только Ефиму, Максу, Тине и Анжелике, но и тем, кто слетится сюда, как грифы на падаль.

– Кто это?

– Завтра увидите, – пожал плечами Роман, – может, правда, пока не всех, но многих. А насчет дома... Знаете, Глеб был странным человеком. Мог возненавидеть собеседника в одну минуту, просто так, без всякого повода и видимой причины. Один раз он рассчитал свою секретаршу, отличную, между прочим, тетку, великолепную работницу, интеллигентную, умную, не болтливую. Я очень удивился и спросил: «Чем же тебе Фаина не угодила?» Угадайте, что он мне ответил?

Я покачала головой.

– «Не нравится она мне, не лежит к ней душа». Вот так! Но, с другой стороны, Глеб точно так же мог и полюбить человека с первого взгляда. Вы ему очень понравились, он пару раз сказал: «Лампа отличная баба. Мне такой всегда не хватало. Либо дуры попадают, либо стервы. Раз уж мне не суждено быть ей мужем, попробую стать хорошим другом».

Я растерянно смотрела на Романа. Сама поняла, что вызываю у Глеба Лукича теплые чувства. Каждый вечер, приехав

домой, Ларионов приглашал меня в гостиную и угощал вкусным ликером. Несколько часов мы провели, болтая о всяких разностях, и мне стало понятно, что, несмотря на внушительную разницу в возрасте, у нас много общего. Мы читали одни книги, понимали друг друга с полуслова.

– Ладно, – захлопнул окно Роман, – до завтра. Главное, ничему не удивляйтесь и ничего не бойтесь. Имейте в виду, такое шоу не всякий день разыгрывается.

Глава 5

Когда я вошла в кабинет Глеба Лукича, там уже сидело большое количество народа: Ефим и Кара, Тина, Макс, Анжелика, Рада, Настя отсутствовала. Оно и понятно, девушка хоть и считалась невестой Макса, формально не являлась членом семьи. Впрочем, меня-то позвали...

На диване, картинно скрестив ноги, сидела холеная шатенка в простом черном костюме. В ушах у нее поблескивали огромные камни, пальцы были унизаны перстнями и кольцами, на запястьях болтались золотые браслеты. В кресле у окна восседала другая дама, милая, уютная старушка, похожая на только что выпеченную булочку. Вся такая розовенькая, пышненькая, гладенькая, симпатичнейшая бабуська, тоже в черном, но без всяких украшений. За письменным столом устроился мужик лет тридцати пяти, очевидно, нотариус, а у камина стоял с непроницаемым лицом Роман.

Увидев меня, Миловидов сказал:

– Хорошо, все тут, начинайте, Олег Павлович!

Нотариус раскрыл красивую кожаную папку и хорошо поставленным, дикторским голосом принялся озвучивать последнюю волю покойного.

Сначала шли мелочи.

– Роза Константиновна Ефремова может выбрать себе на память картину, одну из тех, что висят в гостиной.

Старушка всплеснула руками:

– Господи, он обо мне вспомнил! Милый, добрый, ласковый Глебушка!

Дама в черном презрительно хмыкнула.

– Помолчи, мама! – довольно резко сказал Ефим.

Я удивилась. Значит, эта старушка – мать Ефима? Следовательно, она бывшая жена Глеба Лукича? Такая старая? Хотя и Ларионов не был юношей...

Тем временем Олег Павлович прочитал:

– Строительство дома Евлампии Андреевны Романовой должно быть завершено не позже сентября. Деньги на мебель предусмотрены в сумме ста тысяч долларов.

Я чуть не лишилась чувств. Он что, с ума сошел? Но остальные никак не отреагировали на заявление нотариуса. Потом пошли распоряжения по поводу образования Тины... Но основной сюрприз поджидал присутствующих в конце. Все деньги, все движимое и недвижимое имущество, всю свою долю в приносящем огромный доход бизнесе Глеб Лукич завещал Раде.

– За то, – торжественно возвестил нотариус, – что она скрасила мои последние годы.

Последняя фраза покорила слух. Вот уж не ожидала от Глеба Лукича слащавой сентиментальности! Хотя я ведь совсем не знала его, может, он просто производил впечатление циничного и делового, а в душе был нежным, как маргаритка.

Когда нотариус захлопнул папку, наступило молчание. Потом дама в черном довольно нервно воскликнула:

– Не понимаю, к чему было заставлять меня участвовать в этом фарсе?

– Для вас, Ольга Сергеевна, есть конверт.

И Олег Павлович протянул даме довольно большой пакет, перевязанный самой простой бечевкой, на концах которой болталась красная сургучная печать.

Женщина быстро схватила конверт, сунула его, не раскрывая, в свою сумку, встала и заявила:

– Думаю, дальнейшее мое присутствие тут совершенно неуместно.

– Ну что ты, Оля, – тихо ответила Рада, – мы все рады тебя видеть!

Дама гортанно рассмеялась:

– Не надо лицемерить, дорогая, никакого удовольствия никому мой сегодняшний визит не доставил. Ефим с Каринной, да и Макс тоже, просто перекошились, когда меня увидели, решили, что отхвачу денежный кусок. Надеюсь, теперь они успокоятся. Впрочем, им самим ничего не досталось, все в твоих руках, душенька, отомсти «деткам» за унижения. Знаешь, я бы не утерпела и показала теперь этим кошкам, что отныне хозяйка в доме мышка. Поверь, они это заслужили.

Рада растерянно обвела глазами присутствующих. Ольга Сергеевна тем временем подошла к двери, потом обернулась

и спросила у сидящей возле меня Тины:

– Теперь, когда отца нет, хочешь, поедem на неделю к морю? Больше времени уделить тебе не сумею, но семь, нет, шесть дней выкрою.

– Спасибо, – ответила Тина, – я подумаю.

– Ну-ну, – хмыкнула Ольга, – соображай быстрее, предложение действительно только на июнь.

И она ушла, оставив после себя удушающий запах дорожного парфюма.

Олег Павлович принялся громко растолковывать Раде порядок вступления в права наследования. Я тихонько спросила у Тины:

– Эта Ольга Сергеевна, кто она такая?

Девочка помедлила мгновение:

– Моя мать.

От полной растерянности и изумления я задала глупейший вопрос:

– Она бывшая жена Глеба Лукича?

– Нет, они никогда не расписывались. Да Ольге и не хотелось жить при муже, – словно о постороннем человеке, начала рассказывать Тина. – Ольга вся в своем телевидении. Уж не знаю, как ее угораздило ребенка родить, но до пяти лет со мной возились няни, а потом папа женился на Раде, и они забрали меня.

– Погоди, погоди, – я быстро произвела в уме вычитание. – Сколько же лет Глеб Лукич жил с Радой?

– Почти десять, – ответила Тина.

Чувствуя, что вообще ничего не понимаю, я ошарашенно поинтересовалась:

– Сколько же ей лет?

– Кому, Раде? Двадцать шесть в августе исполнится.

– Но...

Тина скорчила гримаску.

– Папа иногда говорил: «Если хочешь иметь хорошую жену, возьми девчонку-сироту и воспитай ее сам». Рада откуда-то из Подмосковья, ни отца, ни матери, ни каких-либо других родственников у нее нет... Отец был доволен, хотя знаешь что он один раз сказал Роману?

– Нет, конечно.

– Что больно она дура, учиться ничему не желает и совершенно несамостоятельна! А потом добавил: «Хотя, с другой стороны, зачем мне умная, самостоятельная особа? Я такими накушался под завязку».

– Ольга Сергеевна работает на телевидении?

– Ты ее не узнала?

Я замялась.

– Не припоминаю.

– Неужели шоу «Жадность» никогда не видела?

И тут до меня дошло, отчего лицо шатенки показалось знакомым.

– Так это она? Но ведь ведущая – блондинка в очках!

– Образ для сцены, – пояснила Тина, – парик, а стекла в

оправе простые, без диоптрий, ясно?

Воспользовавшись тем, что весь народ цугом потянулся в столовую вкушать кофе, я поднялась к себе в спальню и села у окна, глядя на буйно цветущий жасмин.

Шоу «Жадность» странная передача, привлекающая огромное количество зрителей своей отвратительностью. Так, увидав на улице уроды, мы не можем отвести от него глаз. Завораживает не только красота. Пару раз я сама смотрела сие действо, удивляясь тому, какие демоны спрятаны на дне человеческой души. В шоу двое ведущих. Очаровательный юноша, слегка «голубоватой» направленности, этакое инжениу-пипи, все в кудряшках, кружевах, серьгах и цепочках. Он ужасно переживает, если участники неправильно отвечают на вопрос, а суть шоу крайне проста: вам задают вопросы, и нужно быстро дать правильный ответ. Кто ошибся – вылетает, правда, не сразу, а по итогам раунда. Этакий компот из «О, счастливчик», «Что? Где? Когда?» и «Брейн-ринга».

Отличается от сходных программ «Жадность» другим. Как я уже говорила, ведущих двое. Паренек, который усиленно пытается всем помочь, подсказывает, предлагает еще одну попытку, просит не волноваться, и холеная блондинка в очках, редкой стервозности.

Женщина в этом тандеме главная, парнишка подчиняется ей беспрекословно.

Ведет она себя ужасно, не дает подумать, выгоняет из ко-

манды не тех, кто и впрямь слаб как игрок, а тех, кто ей по-просту не нравится. Может заявить:

– Вся команда в полном составе уходит, а ко мне прошу вон того толстого парня из седьмого ряда, девушку в зеленом из пятого. Кстати, дорогая, вам никто до сих пор не говорил, что вы в этом цвете сильно смахиваете на слегка подгнившую спаржу?

Поэтому зрители в студии всегда в ожидании – в любой миг они могут стать участниками шоу, звездами...

Весь фокус состоит в том, что с ведущей спорить нельзя, а правил, кроме нее, не знает никто. Вернее, она сама их придумывает прямо на ходу. Единственный способ остаться под лучами софитов и продолжать борьбу за главный приз – понравиться омерзительной бабе, и люди пускаются во все тяжкие, дабы услышать вылетающее из ярко накрашенного ротика небрежное замечание:

– Так уж и быть, вы оставайтесь.

Больше всего ведущей нравится, когда участники начинают старательно кидать подлжки друг другу. Неспортивное поведение на этой передаче откровенно поощряется. Как-то раз один мужик, дошедший до финала, не сумев ответить на самый последний вопрос, в ажиотаже выхватил у дамы из рук листок, в который она постоянно заглядывала, и торжествующе выкрикнул:

– Знаю! Остров Таити принадлежит Франции.

Зал замер, впрочем, зрители у теликов тоже чуть не ли-

шились чувств. Парнишка обхватил голову руками и взмолился:

– Оля, не убивай его, он пошел на это от полного отчаянья!

Дама выдержала эффектную паузу, потом расхохоталась и вручила красному, потному мужику ключ от ящика, где лежит главный приз. Впрочем, когда на следующем представлении другой участник попытался сделать то же самое, ведущая мигом пресекла его поползновения.

Шоу идет в прямом эфире, в прайм-тайм, когда усталые граждане, явившись домой, хлопнулись в кресло и открыли бутылочку пивка. Есть еще одна, пожалуй, самая главная фишка. Никому никогда не сообщается, какой приз ждет победителя. Ему дают ключ от ящика, на дне которого может обнаружиться что угодно. В январе этого года шоу собрало у экранов огромное количество зрителей по одной простой причине. Два раза женщины, успешно преодолевшие все препоны, добыли со дна сундука купчие на трехкомнатные квартиры, а мужчина, выигравший в тяжелом бою победу, чуть не скончался, увидав кредитную карту, на которой лежал миллион. Впрочем, частенько приз никому не достается. Поэтому зрители в середине января следили за игрой, затаив дыхание. Довольно легко победила молодая девушка, ведущая даже не слишком придиралась к ней, делая вид, будто не слышит откровенных подсказок паренька. Представьте теперь всю меру негодования девицы, когда она извлекла...

кочан капусты, кое-где подгнивший и омерзительный. Не сумев справиться с собой, девчонка швырнула зеленый шар в ведущую. Та ловко отскочила и ехидно спросила:

– Я так понимаю, что вы отказываетесь от выигрыша?

– Забирайте эту гадость себе, – чуть не плакала девчонка.

– Забирать? – ерничала Ольга. – А вы не передумаете? Смотрите, какая отличная капуста, щец сварите. Берите, в хозяйстве все пригодится.

– Господи, зачем ей эта гадость! – выкрикнул, тряся кудряшками, паренек. – Не берите, бросьте, это издевательство.

Ольга повернулась к участнице:

– Считаю до трех. Раз... Имейте в виду, если откажетесь, то все, приз не верну. Два... Ну? Что?

– Оставьте себе на щи! – взвизгнула победительница.

– Три! – припечатала Ольга.

Потом она взяла кочан, положила его на стол и принялась методично сдирать полусгнившие листья, приговаривая:

– Зачем отказалась? Ладно, я согласна, сверху кочан немного попортился, но внутри-то вполне нормальный... А это что?

Ловким движением она выудила из середины сложенный листок, развернула его, подняла над головой и звонко объявила:

– А это приз от нашего спонсора «Камо-Банка» – чек на сто тысяч долларов!

Зал вскочил в едином порыве. Девушка сначала вытаращи-

ла глаза, потом свалилась на пол так, словно кто-то отпилил ей ноги. Рядом, издав всхлип, шлепнулся, звеня цепочками и браслетами, второй ведущий. Думаю, что кое-кому из телезрителей также стало плохо. Сами понимаете, что первого февраля у экранов, затаив дыхание, собралась уже вся страна. Народ не разочаровался. Победитель выудил отвратительно воняющее ведро навоза.

Зажав пальцами носик, Оля прогундосила:

– Берете?

– Да! – завопил юноша, вспомнив кочан.

– Только одно условие, вы не можете унести это ведро просто так, вдруг там что-то лежит на дне, охрана не пропустит.

– Чего делать-то? – Поройтесь в нем, что найдете – ваше.

Парень не дрогнул.

– Дайте палку.

– Нет, дружок, руками.

Юноша был очень жаден. Он закатал рукава чуть ли не до плеч, сморщился и принялся возиться в навозной жиже. Зал опять вскочил, зрители схватились за сердце, но... ничего. В ведре оказался лишь навоз.

– Уносите, – велела Ольга, – на даче пригодится. Кстати, вот вам бесплатный талон на посещение Сандуновских бань.

Следующая передача была прямо сахарной. Вопросы звучали такие, что даже не слишком образованный Кирюшка радостно ответил на все. Ведущая держалась очень ми-

ло, весьма симпатизируя женщине лет шестидесяти, которую уже с самой первой минуты шоу явно предназначила в победительницы.

– Ну, этой сейчас достанется сиденье от унитаза, – грустно вздохнула Лизавета, наблюдая, как тетка с ключом в руках идет к ящику. – Вопросы прямо никакие были, эта стервятница к ней не придиралась, что-то тут не так.

Но шоу очередной раз подтвердило свою репутацию непредсказуемого. Из сундука появился бархатный футляр. Женщина раскрыла его и взвизгнула.

– Награда предоставлена нашим спонсором, объединением «Якутские алмазы», – возвестила Ольга, – брильянтовое кольцо, перстень и браслет.

Зрители в изнеможении загудели. Ерундовые вопросы, полная доброжелательность – и такая красота в качестве приза.

И вот теперь оказывается, что ведущая шоу – мать Тины. Через секунду мои мысли понеслись в другом направлении. Ну какого черта Глеб Лукич оставил мне такие большие деньги на мебель? Ей-богу, неудобно, особенно в свете того, что почти все остальные, кроме Рады, оказались ни с чем. Как отреагируют на подобный дар Катюша и Сережа с Юлечкой? В голове крутились разные мысли, они прогнали от меня всякие остатки сна.

Повертевшись с боку на бок в горячей, просто раскален-

ной постели, я вылезла и распахнула настежь все окна. Да уж, совершенно зря москвичи дружно ругали дождливое, холодное начало июня. Погода решила реабилитироваться и расщедрилась на всеми столь давно ожидаемое тепло. Но вот беда, она явно перестаралась. Третий день подряд градусник, привинченный к одному из окон террасы, стабильно показывает тридцать. И это за городом, в тени! Представив, что творится в Москве, я вдохнула ночной воздух, ожидая ощутить прохладу. Но нет, на улице стояла духота, создавалось ощущение, что сидишь в СВЧ-печке. Поняв, что бессонница победила, я в тоске поворошила детективы, стоявшие на стеллаже. Прочитаны все. Ладно, схожу в библиотеку, насколько помню, криминальный жанр представлен в ней романами Агаты Кристи, Рекса Стаута и Дика Фрэнсиса. Но, во-первых, можно перечитать и классиков, а во-вторых, вдруг я ошибаюсь, и на полках найдется нечто восхитительное? Вот только не хочется одеваться, натягивать брюки, футболку.

Я посмотрела на часы – ровно три – и решила идти прямо как есть, в крохотном халатике, больше похожем на распашонку. В доме все давным-давно спят, и я никого не смогу смутить своими голыми ногами. Уже на первом этаже я запоздало подумала, что следовало пододеть под халатик длинную ночную сорочку или пижамные брюки, и ощутила неловкость. В чужом доме и, пардон, с голым задом. Но возвращаться назад было лень, за всеми дверьми, которые я миновала, стояла тишина, дом был погружен в сон.

Из библиотеки в коридор падал тоненький луч света, но меня это не смутило. Домочадцы регулярно не выключают электричество. Сумма счета их не волнует, поэтому в здании частенько полыхают все люстры. Ночью прислуга гасит «иллюминацию», проделала она это и сегодня, забыв про маленький торшер в библиотеке.

Я вошла в тесно заставленную стеллажами комнату, миновала два кресла, диваны, стол и приблизилась к полкам, расположенным у окна. Взгляд пробежался по корешкам. Так, что тут есть? Ага, вот собрание сочинений Кристи...

– Ты уже тут? – внезапно послышался быстрый шепот. Звук шел от двери. Мигом вспомнив, что у меня под халатиком ничего нет, а длина его едва ли превышает метр, я испугалась и шмыгнула за занавеску. Глупее поведения и не придумать! Надо было сесть на диван и, прикрывшись пледом, спросить: «Кто там? Простите, я в неглиже!»

Но я отреагировала словно ребенок или мелкий воришка, забившись мигом за драпировку.

– Эй, ты здесь? – повторил Макс чуть громче. – Кара!

– Не кричи, – сказала жена Ефима, входя в комнату.

На ней, как и на мне, был полупрозрачный коротенький халатик, абсолютно не скрывавший точеную фигурку. Я с трудом подавила вздох зависти. Кара не моложе меня, скорей всего, мы одноклассницы, но в раздетом виде она выглядит намного лучше и совершенно никого не стесняется. Плюхнулась на диван, закинула ногу на ногу, просто Шарон Стоун

в картине «Основной инстинкт».

Глава 6

– Чего вопишь? – довольно грубо осведомилась всегда подчеркнуто корректная Кара. – Не дай бог народ разбудишь! Фима меня убьет!

– Я бы тоже свою бабу за такое пришиб, – хмыкнул Макс. Кара швырнула в него диванную подушку, Макс легко увернулся и схватил прелестницу за голую ногу.

– Иди сюда.

– Отстань!

– Почему?

– Не хочется.

Максим тихо засмеялся:

– Врешь, зачем тогда явилась сюда в таком виде? Отчего халат не надела?

– Это и есть халат!

– Нет, душенька, совершенно не похоже, ну, не ломайся, что тебе, жалко?

– Отвали, мне с тобой поговорить надо.

– Успеем и поболтать, – хмыкнул Макс и опрокинул Кару на диван.

Сначала она молотила его кулачками по квадратной спине, потом издала протяжный вздох и перестала сопротивляться.

Я зажмурилась. Первый раз в жизни оказалась в подобной

ситуации. Не могу смотреть никакие фильмы эротического содержания, сразу делается неудобно, а тут такая сцена!

То ли любовники и впрямь боялись, что их застукают, то ли Макс очень торопился, но уже через пять минут я услышала:

– И о чем ты хотела поговорить?

Я открыла глаза и вновь глянула в щелку между драпировками.

Довольный Макс натягивал пижамные брюки, а растрепанная Кара запахивала халат.

– Ты животное! – фыркнула дама. – Просто похотливый павиан!

Макс рассмеялся:

– Лучший комплимент для мужчины – это сравнение с самцом обезьяны, постоянно готовым к спариванию. Спасибо, дорогая, я тронут столь высокой оценкой моих скромных достоинств. Кстати, если тебе так не нравятся возбужденные павианы, какого черта ты бегаешь от Ефима ко мне? Насколько я знаю, Фиме даже «Виагра» не помогает. Вот и общалась бы с мужем духовно, наслаждалась бы разговорами, что же каждый вечер мне под столом на ногу наступаешь, а?

– Оставь Ефима в покое, – дрожащим голосом сказала Кара, – ты недостойн его ногтя!

Макс тихонько захихикал:

– Душенька, ты сегодня в ударе.

– Хватит, – сердито заявила женщина, – мне нужен твой совет. Что делать?

– Извечные русские вопросы, – вновь заулыбался Макс. – Кто виноват и что делать? Горы литературы, написанной на данную тематику...

– Послушай, – окончательно обозлилась Карина, – ты можешь хотя бы в экстремальной ситуации сохранить серьезность?

– А что случилось?

– Как что? Мы все остались без денег.

– Вот ты о чем... – протянул Макс, – а я думал...

– Что?

– Ну мало ли, вдруг ты решила бросить Ефима и уйти ко мне?

– Идиот!!!

– Кричи громче, сейчас рогоносец проснется, спустится сюда, и будет очень весело, во всяком случае, тебе.

– Так что делать? – мигом сбавила тон Кара.

– А что мы можем сделать? – пожал плечами Макс. – Последняя воля объявлена, так решил дядя Глеб.

– Но он оставил нас нищими!

– Мне на жизнь достаточно зарплаты!

– А если Рада выгонит тебя со сладкого местечка на улицу?

– И что ты предлагаешь? – посуровел Макс.

– Вот слушай, что я думаю, – хмыкнула Кара.

– Судя по выражению твоего лица, жуткую мерзость, – не утерпел Макс.

– Не понимаю, – в состоянии крайнего озлобления воскликнула Карина, – тебе деньги не нужны? Уж не знаю, какие средства имел Глеб Лукич, но, думается, хватит всем на безбедную жизнь до конца лет, еще детям с внуками останется...

– Говори по делу!

– Ладно. Дней десять назад я решила сменить парикмахера. Препжний перестал нравиться. Хотя работал в престижном салоне и брал бешеные тысячи за услуги...

Я, вжавшись в подоконник, старалась не пропустить ни слова.

Кара позвонила своим подружкам, дамам обеспеченным, провела маркетинг и живо выяснила, что самым престижным, а главное, модным, считается «Модес хаар» на Якиманке. Расположен салон прямо напротив «Президент-отеля» и обслуживает людей идеально. Обрадовавшись, она записалась к мастеру и решила выполнить всю программу: стрижка, краска, укладка, маникюр, педикюр, солярий и питательная маска на мордочку. И вот когда пришло время лежать на кушетке с толстым слоем зеленой глины на лице и теле, полностью укутанным в махровую простыню, произошло нечто интересное. В дверь кабинета легонько постучали.

– Бога ради, простите, – воскликнула косметолог, расстав-

для небольшую ширмочку, – очевидно, принесли свежее белье, вы разрешите открыть? Это секундное дело, вас никто не увидит.

Кара кивнула. Разговаривать было нельзя, маска могла разрушиться. Еще раз извинившись, косметолог приотворила дверь, но вместо кастелянши со стопкой простыней и полотенец в руках в кабинет влетела... Рада. Каре было отлично видно жену Глеба Лукича в щель между складными частями ширмы.

– У тебя кто-то есть? – поинтересовалась Рада.

Карина удивилась. В их среде не принято «тыкать» горничным и любому другому обслуживающему персоналу.

– Да, – тихо ответила косметолог, – дама там, на кушетке, не волнуйся, тебя не видно.

Кара изумилась. То, что Рада обращалась с девушкой по-своему, еще можно было хоть как-то объяснить, некоторые клиентки завязывают с мастерицами почти дружеские отношения, но то, что работница салона запанибрата с госпожой Ларионовой, не лезло ни в какие ворота.

– Мне надо в Разуваево, срочно, – почти шепотом сообщила Рада.

– Что-то случилось?

– Не знаю, сообщение на пейджер пришло, звонила, звонила тебе, никто трубку не взял, а мобильный отключен.

– Батарейка села, – пояснила девушка.

– Послушай, Ирма, сегодня можно?

– Только через полчаса.

– Ладно, это несущественно.

– Тогда езжай, до трех успеешь?

– Должна.

– В пятнадцать придет дама, сама понимаешь.

Рада повернулась и исчезла. Ирма сложила ширмочку.

– Бога ради, простите...

Кара закрыла глаза и сделала вид, что спит. Ирма осторожно вышла. В ту же секунду Карина метнулась к окну и увидела возле входа шикарный автомобиль Рады.

Заплатив за визит, Кара, будто невзначай, спросила у администратора:

– У вас приводит себя в порядок моя родственница, Рада Ларионова, вот, договорились с ней встретиться, но я забыла, в каком кабинете она стрижется.

Безукоризненно вышколенная регистраторша посмотрела на экран компьютера.

– Госпожа Ларионова наша постоянная клиентка, но сегодня она не записывалась, просто приехала и пошла к Ирме Шульгиной, пятая комната, вы там только что были, странно, что не столкнулись в коридоре...

– Я заходила в туалет, – буркнула Кара и двинулась назад.

Дверь кабинета украшала табличка «Пациент погружен в лечебный сон, просьба не беспокоить до 14.55». Карина подергала дверь, та не поддавалась, женщина решила так просто не сдаваться и приложила ухо к холодной обивке. Но изнут-

ри не доносилось ни звука. Карина вернулась к администратору и спросила:

– Простите, где Ирма?

– Она будет в половине третьего, а что?

– Сумочку у нее в кабинете забыла.

– Ах, какая беда! – захлопотала девушка. – Пойдемте в гостиную. Посидите, попьете кофе или лучше чай?

– Нельзя открыть кабинет?

– Совершенно невозможно, – развела руками администратор, – ключ только у Ирмы.

Сказав последнюю фразу, противная девчонка бросила быстрый взгляд на небольшой шкафчик, висящий в углу, и Кара мигом поняла, что она врет. Естественно, ключ у дежурной, только та ни за что его не даст.

Кара села в гостиную и призадумалась. Через открытую дверь ей было хорошо видно стойку и администраторшу, лениво перелистывающую дамский журнал. Внезапно перед конторкой появилась девичья фигура.

– Слышь, Нинка, когда у нас следующий клиент?

Регистраторша зевнула:

– Сегодня полный штиль, Сонюшка, лишь в три к Ирме дама заявится.

– Хочешь, укладочку сделаю? Времени полно.

– Кто же откажется, – вздохнула Нина, – только не ровен час Клара спустится, увидит, что меня на месте нет, и уволит.

– А ее нет! – торжественно сообщила Соня. – Час тому

назад отправилась на презентацию, раньше пяти не вернется. Давай, не бойся, грех ситуацией не воспользоваться: клиентов нет, начальства тоже.

Нина поколебалась секунду и решилась:

– Вот здорово, ну, удружила! Меня Мишка сегодня в клуб позвал, а на голове словно черти горох молотили.

Весело захихикав, девицы исчезли за дверью с номером семь. В мозгу Кары мигом созрело решение. Стараясь не цокать каблуками, она дошла до маленького шкафчика, увидела там, среди прочих, ключик с биркой пять и мигом прошла в кабинет. Как она и предполагала, на кушетке никто не спал.

Карина вернула ключик на место, пробежала по коридору и в самом конце обнаружила не слишком приметную маленькую дверцу, за ней лестницу и выход на улицу. Очутившись на заднем дворе, Карина обогнула здание и наткнулась на автомобиль Рады.

– Понимаешь теперь, в чем дело? – спросила она у Макса, прервав свой плавный рассказ.

– Не очень.

– Боже, все мужики идиоты! Все просто, как лопата. Наша Радочка громко сообщает дома, будто уезжает в салон, а сама, договорившись с этой Ирмой, убегает к любовнику!

– Ну и что такого?

– Как это, а деньги? Состояние Глеба Лукича...

– Что-то я никак не врублюсь в ход твоих рассуждений, нельзя ли попроще?

– Господи, – забыв о необходимости соблюдать осторожность, выкрикнула Карина, – разве может получить деньги баба, беспардонно обманывающая мужа? Надо завтра поехать в «Модес хаар», отыскать эту Ирму, заплатить ей как следует...

– Зачем?

– Пусть расскажет всем, что Рада изменяла Глебу Лукичу!

– Дорогая, – с жалостью проговорил Макс, – этим сведениям не было бы цены месяц тому назад. Насколько я знаю дядю Глеба, учитывая его, хм, скажем так, специфическое прошлое, думаю, что мою милейшую тетушку сшибла бы машина или ее убило бы током от выключателя. Но сегодня этой, безусловно интересной, информации грош цена.

– Почему?

– Да потому, что завещание составлено по всем правилам, оно подлинное и, думается, подписано не так давно.

– Может, ему два года!

– Нет, он позаботился о Евлампии, с которой познакомился в этом месяце.

– Мерзкая голодранка, – прошипела Кара, – откуда она взялась на нашу голову?

– Не это должно тебя волновать. В законе нет статьи, которая запрещает получать наследство неверной жене. Прелюбодеяние у нас не преследуется, чай, не на Арабском Востоке живем. Вот в каких-нибудь Эмиратах Раду бы точно лишили денег и побили камнями.

– И что, жена всегда получает имущество?

– В основном да, – кивнул Макс, – если только она не убила своего супруга. Убийца не наследует состояние жертвы, даже если последняя составила в его пользу завещание.

Кара присвистнула:

– А ведь Глеба Лукича кто-то застрелил! Что, если это сделала Рада?

– Зачем ей?

– Деньги получить хотела!

– Она и так их имела, дядя жене ни в чем не отказывал.

– Мечтала жить открыто с любовником.

Макс поморщился:

– Слушай, это глупо. Согласен, Рада дура, но хоть какие-то мозги у нее имеются?

– Значит, – прошептала Кара, – надо убедить всех, и в первую очередь милицию, что в Глеба Лукича выстрелила жenuшка.

– Тут есть кто? – послышался за дверью мягкий баритон.

Молча и слаженно, словно олимпийские чемпионы по синхронному плаванию, Макс и Кара поднырнули под свисающую до пола скатерть, прикрывавшую овальный стол. Они успели спрятаться очень вовремя, потому что в библиотеку вошел, зевая, Ефим. Плюхнувшись в кресло, он вытащил из кармана шелковой пижамной куртки мобильник, потыкал в кнопки и спросил:

– Это ты? Ну извини, сам знаю, что ночь глубокая, только

в моем доме остаться наедине с телефоном вещь невозможная. Кара вечно подслушивает. Я сейчас даже в библиотеку спустился, чтобы сия гарпия из своей комнаты не услышала, как звоню. Милая, мы в пролете. Папа оставил абсолютно все Раде. Честно говоря, я ожидал чего-то подобного. Теперь придется плясать под ее дудку.

Ефим замолчал. Очевидно, собеседница сказала какую-то глупость, потому что он ответил:

– Не дури, сейчас это невозможно. Сначала я должен решить вопрос с деньгами. Надеюсь, Рада захочет дать мне средств на газету. К тому же Рада обожает Карину, они подруги не разлей вода. Рада придет в полное возмущение, если заговорю о разводе, и перекроет кран от денежной трубы. Нет уж, тебе придется подождать, иначе рискуешь получить нищего.

Снова тишина. Затем Ефим осторожно засмеялся:

– Ну, рай в шалаше хорош только в том случае, если знаешь: лето кончится, а ты уедешь из хлипкого сооружения во дворец со всем необходимым. Извини, я очень люблю тебя, но коротать денечки в крохотной стометровой квартирке и ездить на метро просто не смогу. Наберись терпения, я обязательно уговорю «матушку» поделиться. Она в принципе не злая, просто дура. Ну, ну, до завтра, как всегда, в том же месте, в тот же час.

Еще раз сладко зевнув, Ефим удалился, не забыв погасить свет. В полной тишине раздался шорох, потом голос Макса:

– Ну и ну, вот уж не ожидал от Фимы такой прыти! Говоришь, ему «Виагра» не помогает? Может, ты ненароком перепутала и купила слабительные таблетки?

– Я ничего не говорила про «Виагру», – прошипела Кара. – Давай пошли отсюда. Теперь ясно одно: мне деньги очень нужны, но Ефиму их давать нельзя. Что делать?

– О боже, – вздохнул Макс, – ты ходишь по кругу, с этого вопроса мы начали!

– И что?

– Я, например, сейчас отправлюсь наконец спать, а утром буду подлизываться к Раде. Фима прав, она не такая противная, небось поделится.

– Мерзкая, гадкая, отвратительная...

– Душенька, я вовсе не предлагаю тебе следовать моему примеру, поступай как знаешь.

– Можешь быть уверен, – рявкнула Кара, – придумаю, что предпринять!

И она, очевидно, ушла, потому что послышался довольно сильный стук двери.

– О боже, – вздохнул Макс, – где были мои мозги, когда я связался с этой сучкой? Даже птичка не срет в своем гнезде, вокруг столько сахарных пончиков, что меня потянуло на потасканную швабру? Дурак ты, Максик, ой какой дурак! А теперь ступай к себе и постарайся заснуть.

Тихо мурлыча песенку, он ушел. Я подождала для надежности пару минут и последовала его примеру, забыв прихва-

тить отобранную книжку.

Глава 7

Юркнув под одеяло и укладывая озябшие ступни на Мую, в полной растерянности я подумала: «Однако тут все хороши. Кара изменяет мужу с Максом. Ефим тоже имеет любовницу, к тому же, не переваривая Раду, собирается пресмыкаться перед ставшей богатой женщиной, чтобы не жить в «крохотной стометровой квартирке». Нет, каков гусь! Да люди ютятся впятером в однокомнатных «хрущобах» – и ничего. Впрочем, и Макс молодец. С Карой спит, сам не понимая почему, очевидно, решил не упускать то, что плывет в руки, и тоже собрался угождать Раде в надежде на сладкий кусок, а Настю он совершенно не любит, просто собрался на ней жениться из корыстных побуждений».

Прошел день, на следующее утро, где-то около девяти, меня разбудил шум во дворе. Я осторожно отодвинула занавеску и увидела небольшой автобусик с надписью «Милиция». Решив, что к Ларионовым прибыли сотрудники МВД, чтобы снять показания у свидетелей, я вновь натянула на себя одеяло. Нужна буду, позовут. Но спустя некоторое время слышались крики, звон, грохот. Я мигом натянула одежду и понеслась в гостиную.

– Вы с ума сошли! – топала ногами Рада.

Трое ментов с хмурыми лицами наблюдали за ней.

– Что случилось? – спросила я.

– Лампа, – кинулась ко мне госпожа Ларионова, – представь себе: *эти* явились меня арестовать!

– За что?

– Обвиняют в убийстве Глеба Лукича!!!

Секунду я смотрела на не улыбчивых парней, потом осторожно осведомилась:

– Ребята, если с вами договорилась Тина, лучше признайтесь сразу. Ей-богу, это дурацкий розыгрыш, в доме все и так взбудоражены.

– Вот ордер, – сухо сказал один из ментов, – мы будем делать обыск.

Я попятилась. Рада завизжала, дверь распахнулась, и появились домочадцы в той или иной степени раздетости.

Не стану вам описывать унижительную процедуру вытряхивания шкафов и ящиков. Действо длилось почти шесть часов. Менты вели себя корректно, Раду подпустили к телефону и разрешили вызвать адвоката. Олег Павлович незамедлительно прикатил на зов. Я слегка удивилась, думала, мужик просто нотариус, а он оказался поверенным в делах семьи.

В мою комнату менты заглянули бегло, просто окинули взглядом помещение и ушли. Понятые – Марина и одна из горничных – испуганно молчали. Только один разок экономка заикнулась:

– Чай подан в столовой.

Но все – и домашние, и «гости» – проигнорировали при-

глашение. Около четырех часов дня мне дико захотелось есть. В связи с невероятными событиями, творящимися в доме, нам не предложили ни завтрака, ни обеда. Решив попросить на кухне чашечку кофе и немудреный бутербродик, я спустилась на первый этаж и увидела в холле всех домашних, включая Кирюшу и Лизу. Рада, серая, словно некачественная туалетная бумага, стояла между двумя милиционерами – молодыми парнями в форме, чьи простоватые рязанские лица хранили приличествующее моменту крайне мрачное выражение.

– Я не виновата, – бесцветным голосом сказала Рада, – поверьте!

– Рада Александровна, – быстро предупредил адвокат, – советую хранить молчание. Все сказанное может быть использовано против вас. Спокойно садитесь в машину, я поеду рядом, не волнуйтесь.

– Я не виновата, – повторила, как под наркозом, женщина. Ее растерянный, по-детски беспомощный взгляд заметался по нашим лицам.

Фима быстро отступил в глубь коридора и, не произнеся ни слова, исчез, испарился, словно капля воды, упавшая жарким днем на раскаленный асфальт.

– Макс, – испуганно продолжила Рада, – Максик, как же так?

Тот абсолютно молча шагнул из холла. Рада, сменив цвет лица с серого на зеленый, прошептала:

– Вы все, все, все...

Не дожидаясь того, чтобы Рада повернула к ним лицо, Карина и Настя бросились к двери. В холле остались только мы: я, Тина, Лиза и Кирюшка. Рада нервно кусала губы.

– Пройдемте, гражданочка, – тактично, но твердо заявил один из ментов.

И тут Кирюшка рванулся вперед:

– Рада, я знаю, что ты не виновата!

– Да, – подхватила Лиза, пытаясь обнять ее, – это жуткое недоразумение.

Тина подошла и обняла мачеху. Крупные слезы потекли по красивому лицу Рады.

– Перестань, – быстро сказала я, – знаешь, следственные органы очень часто делают ошибки, вон по делу Чикатило, кажется, двоих расстреляли, невиновных.

Внезапно Рада натужно рассмеялась:

– Ты, Лампа, как никто, умеешь утешить. Мало будет мне толку, если расстреляют, а потом выяснится, что милиция напутала!

– Радочка, – закричала я, – только не волнуйся! У меня есть приятель, майор, Володя Костин, работает на Петровке, он поможет, он замечательный!

– Да, – в один голос подхватили дети, – Володя умный!

– Нам чего, тут до утра возиться? – вздохнул один из ментов. – Проследуйте, гражданочка, по-хорошему.

Рада пошла к двери.

– Я обязательно тебя выручу, – не успокаивалась я.

Внезапно Рада остановилась и повернулась. В ее глазах читались печаль девяностолетней старухи и полная безнадежность.

– Спасибо, Лампуша, ей-богу, я не забуду никогда твоей доброты. Только не старайся, все зря. Это сделал кто-то из своих, он же подsunул пистолет, скорей всего, мне не выкрутиться, прощай, свидимся лет через двадцать.

Вымолвив последнюю фразу, она шагнула за порог, за ней, шумно топая, удалились менты.

– Про какой пистолет она говорила? – в полной растерянности осведомилась я у Олега Павловича.

Адвокат размеренно ответил:

– В прачечной, в подвале, на самом дне бачка для грязного белья, нашли джинсы Рады, обшлага испачканы кровью, а в ее комнате, в искусно сделанном под подоконником тайнике, обнаружили пистолет.

– Ни фиги себе, – прошептал Кирюша.

– Да уж, – покачал головой Олег Павлович, – именно, ни фиги себе, полный аут. Если экспертиза подтвердит, что кровь принадлежит Глебу Лукичу, а из револьвера вылетела убившая его пуля, отвертеться будет очень и очень трудно. Надеюсь, хоть отпечатков пальцев не найдут. Хотя...

И, махнув рукой, адвокат удалился.

– Она совсем дура, да? – спросила Лиза. – Измазать джинсы в крови и положить их стирать?

– Наверное, не думала, что милиция станет проводить обыск, – прошептала я.

– Все равно, – злилась Лиза, – ужасно глупо! Я бы сожгла брюки, тут же! Ну почему она этого не сделала?

Я молчала. Действительно, почему?

– Может, все не так было? – оживился Кирюша.

– А как? – фыркнула Лиза.

– Брилась... женщины же тоже иногда бреются, ну, в общем, понимаете, порезалась, закапала джинсы.

– Знаешь, мне никогда не придет в голову бриться оде- той, – вздохнула я.

– Брюки рядом лежали, кровь на них случайно попала.

Я вспомнила огромную, почти двадцатиметровую ван- ную, где совершала омовения Рада, и подавила тяжелый вздох. Нет, это не трехметровое пространство, где моешься, задевая локтем полотенца, халаты и тазик с замоченным для стирки бельишком.

– Дурак, – отчеканила Лиза, – кровь-то не ее, а Глеба Лу- кича!

– Ну он брился, а она стояла рядом, – не сдавался Кирюш- ка.

– И что? – хмыкнула Лизавета. – Глеб Лукич наклонился и вытерся ее джинсами? Ну и чушь! Самому не смешно?

Отчаянно споря, они убежали. Я пошла в сад, легла на раскладушку, уставилась на цветастый балдахин и призаду- малась. Честно говоря, мне просто жалко стало Раду, уж

больно по-хамски отвернулись от нее разом все родственнички, но в свете информации о пистолете и одежде моя уверенность в ее невинности была поколеблена.

Впрочем, предположим на секундочку, будто Рада ни при чем, что тогда?

Липкая духота разливалась в воздухе, чуть поодаль от балдахина, в косо падающих лучах жаркого солнца, жужжали мухи, под раскладушкой бодро стрекотал сверчок. Думать совершенно не хотелось, но я заставила себя включить мыслительный процесс.

Ладно, поступим как математики. Вот они договорились между собой, что кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая. Приняли данную аксиому, и все. Вот и я приму за аксиому, что Рада не виновна, и что получится?

Я закрыла глаза. Интересная, однако, картина выйдет.

Дом Ларионовых окружен со всех сторон гигантским, абсолютно гладким бетонным забором. Сверху торчат видеокамеры, безостановочно транслирующие изображение на экраны в домике охранника. Мало того, что через забор сумеет перебраться лишь мастер спорта международного класса по альпинизму, так и его моментально схватят. Секьюрити не станет церемониться, у него имеется право на ношение оружия, он, скорей всего, просто пристрелит бандита, справедливо полагая, что всесильный, богатый хозяин отмажет его потом от неприятностей.

Кроме того, по саду постоянно носятся собаки. Ладно, мо-

псих можно не бояться, они больше похожи на плюшевые игрушки, но Рейчел и Рамик! Стаффордширская терьериха выглядит угрожающе, Рамик тоже здоровенный. Кстати, у Ларионовых лабрадор, Чарли. На нем не написано, что псих на миролюбива до идиотизма и любого человека встречает как друга. Впрочем, псы поднимали лай при виде чужого. Нет, пролезть на участок тайком невозможно. Единственный путь – идти мимо сторожа, а уж он никого постороннего не пропустит. Интересно, кто дежурил в тот день, вернее, ночь, когда застрелили Глеба Лукича? Коля или Сережа? Первый хоть изредка выходит из домика и делает на дорожке пару физических упражнений, зато второй неотрывно, кажется, даже не мигая, следит за экранами, боясь пропустить нарушение пространства.

Гостей, кроме меня, Кирюшки и Лизы, нет. А мы точно не убивали Глеба Лукича. Значит, действовал кто-то из своих. Ефим, Кара, Макс, Анжелика, Тина... Еще Настя, хотя она пока не родственница, но ведь была в доме.

Я открыла глаза. Итак, классические вопросы. Кто? Зачем? Какую выгоду получил? Деньги? Наследство? Но оно обломилось Раде! Я села на раскладушке. Да уж, все складывается для нее хуже некуда.

От жары в горле просто пересохло, пришлось встать и идти в дом. В холле, у зеркала, красила губы яркой помадой Марина. У ее ног стоял огромный чемодан на колесиках. Я слегка удивилась. До сих пор экономка разгуливала по до-

му в черном шелковом костюме, переднике и наколке. На ее лице не было никакой косметики, а волосы она укладывала в тугой пучок. Сейчас Марина стояла передо мной в бирюзовом платье без рукавов, светло-каштановые волосы красивой волной спускались на плечи, бордовая помада, черная тушь и румяна подчеркивали яркость глаз. Сразу стало ясно, Марине отнюдь не пятьдесят, скорей всего, она моя ровесница. Может, чуть старше.

– Вам идут сочные тона, – не утерпела я.

– Спасибо, – улыбнулась Марина, – я знаю.

– Отчего тогда не употребляли косметику?

– Я же экономка, – пояснила женщина. – Хозяева требовали носить форму и не употреблять косметику. Знаете, богатые люди не любят, когда прислуга выделяется.

– Почему «требовали»? – удивилась я. – Сейчас что, условия изменились?

– Я уволилась с сегодняшнего числа.

– Что так? Не поладили с кем-то из домашних? Или Ефим вами недоволен. Ей-богу, не стоит переживать, он постоянно в плохом настроении.

– Нет, – усмехнулась Марина, – Ефим Глебович, наоборот, очень просил остаться, обещал зарплату прибавить.

– Тогда в чем дело?

– Я Ефима Глебовича понимаю, – продолжала надменно ухмыляться Марина, – хорошую экономку найти трудно. Но мне дорога репутация. Знаете, когда работаешь у людей, доб-

рое имя – это главное. Никто не захочет взять на службу женщину, если узнают, что ее допрашивали на Петровке в качестве свидетельницы по делу об убийстве хозяина. Нет уж, придется поискать другое место. Ну да я себе работу мигом найду. Прощайте, рада была познакомиться. Кстати, это я говорю совершенно искренне. Вы всегда застилали за собой постель, не разбрасывали повсюду белье и испачканные прокладки, а еще улыбались мне при встрече. Мне было приятно вас обслуживать. Ну, пока.

Она схватила баул за ручку и покатила его во двор. Я смотрела ей вслед. Вот оно как! Репутация! Бедная Рада, по моему, тут все совершенно уверены в ее виновности. Вздохнув, я пошла к телефону.

Володя Костин схватил трубку сразу:

– Да.

– Приветик.

– Ну, чего хочешь?

– Ой, как грубо! Может, просто так звоню?

– Ты? Мне на работу? Исключено.

– Вовчик, – залебезила я, – надо поговорить.

– После девяти я намереваюсь быть дома.

– Обедать не пойдешь?

– Ну?

– Давай я подъеду.

– От тебя не отвертишься. В семь вечера, в пирожковой.

Имей в виду, могу тебе уделить полчаса.

Я понеслась одеваться и заводить «копейку».

Володя Костин наш близкий друг, такой приятель, который превратился в родственника. Впрочем, иные брат с сестрой без конца ругаются, мы же с Вовкой живем душа в душу. Единственное, что меня раздражает в нем, – это манера, придя домой – а мы живем в соседних квартирах, – мигом разбросать свои вещи по всем комнатам, а носки торжественно устроить на спинке стула, где они и висят, пока Рейчел или Рамик не утянут их и не начнут жевать, словно самую вкусную конфету.

– Судя по твоему возбужденному виду и торчащим дыбом волосам, ты в очередной раз вляпалась в историю, – вздохнул Володя и вонзил зубы в ароматный пирожок. – М-м, волшебный вкус. Надо же, в пироге вполне приличная порция мяса. Кстати, отчего у тебя ярко-голубые губы? Теперь так модно? Честно говоря, выглядит жутковато.

– Голубые? – изумилась я. – Вовсе нет, у меня помада оттенка «мокрый песок».

– Очевидно, марсианский, – хмыкнул Вовка, – хотя нет, говорят, на этой планете все красное. Что у нас голубое? А, Венера! Значит, твой песок оттуда!

– Хватит идиотничать, – прошипела я. – У меня дело.

– Эка невидаль, – хмыкнул приятель. – Я весь в делах, а губы у тебя все равно мерзейшего цвета, Впрочем, веки еще хуже, как тебя угораздило намазывать их чем-то желтым... Нет, оранжевым. Словом, чем-то ужасным. Да посмотри са-

ма! Все женщины вокруг нормальные, а ты просто «Маски-шоу»!

И он опять противно захихикал. Я вытащила пудреницу и уставилась в зеркало. Через пару секунд, когда исчезло первое изумление, до меня дошло, что, собираясь на встречу к Вовке и боясь опоздать, я навела красоту впопыхах, даже без зеркала. Сначала быстро провела по векам палочкой теней, а затем по губам помадой. Но и тени, и помада сделаны в виде карандашей, вот я их и перепутала, и теперь у меня на глазах красуется «мокрый песок», а на губах «лазурная синева».

Я схватила салфетку и попыталась стереть макияж. Вовка захохотал и мигом пришел в великолепное настроение. Я сочла момент подходящим и быстро рассказала про то, что стряслось за последние дни.

Костин поскуучнел.

– Ну а от меня чего ты хочешь?

– Я не верю в виновность Рады, не можешь ли ты...

– Не могу, – прервал меня друг, – знаешь же, как меня бесит, когда ты лезешь не в свое дело.

– Послушай, Вовчик, – тихо сказала я, – извини, конечно, что напоминаю, но, когда все вокруг были уверены, что ты убийца, кто сумел установить истину?³ И вообще, я сейчас работаю в агентстве «Шерлок» начальником отдела, поэтому мой интерес – не простое любопытство, а служебная необхо-

³ История, о которой сейчас говорит Лампа, рассказана в книге «Канкан на поминках», издательство «ЭКМО-Пресс».

димось. Прости, но это мой способ заработать, нас с Федорой нанял клиент, который хочет установить истину.

Выпалив монолог на едином дыхании, я устала на майора. И ведь почти не соврала. На самом деле мы с моей подругой, носящей редкое, совершенно невозможное для нынешних времен имя Федора, работаем в агентстве «Шерлок». Вернее, Федька его хозяйка, а я заведую отделом. Честно говоря, другие служащие в конторе отсутствуют, но мы обязательно найдем их, если сумеем разбогатеть. Правда, пока клиенты не бегут к нам косяком, если признаться, их вовсе нет. И вообще, сейчас агентство закрыто на каникулы, на два месяца. Федька с мужем отправилась в Европу, а я в Алябьево. Но ведь никто не запрещает нанять саму себя в качестве детектива. Я очень хочу помочь милой, глуповатой Раде, и, похоже, кроме меня, это больше некому сделать.

Володя молча повозил по пластиковой столешнице одноразовый стаканчик.

– Ладно, ты права. Долг платежом красен. Хорошо, я все узнаю и позвоню.

– Когда?

– Через пять минут.

– Правда? – обрадовалась я.

– Естественно, нет, – вздохнул Вовка. – Завтра, в течение дня.

– У тебя не вылетит из головы моя просьба?

– Я всегда все помню! Никогда ничего не забываю! –

взвился майор.

Ага, кроме ключей от дома и машины, документов на раздолбанный «жигуленок», зонтиков и несметного количества зажигалок.

Повернув к дому, я заметила у ворот маленькую рыжую собачку неопределенной породы, явно дитя не запланированного скрещивания, а плод спонтанной любви. Она сидела, жалобно поскуливая, поджав под себя переднюю лапку. Я притормозила, открыла дверь и спросила:

– Эй, собака, ты чья?

Песик зарыдал и поплелся ко мне на трех лапах. Мигом в сердце вползла жалость. Я подхватила тощенькое тельце, покрытое мягкой шерстью, отметила, что глаза и уши у собаки совершенно чистые, и сказала:

– Похоже, ты не из дворовых!

Найденыш замахал довольно крупным, похожим на метелку хвостом.

Ладно, сейчас отнесу его в дом, вызову ветеринара, а затем развешу по всему Алябьеву объявления, скорей всего, песик удрал у кого-то с дачи, представляю волнение хозяев.

Я внесла собачку в холл и посадила в кресло. Из столовой доносились голоса. Позвонив ветеринару, пообещавшей приехать через час, я пошла туда, где все уже сели ужинать.

Во главе стола, на том месте, которое обычно занимал Глеб Лукич, сидела очаровательная старушка, та самая, по-

хожая на булочку.

– О, – сказала она, – а вот и милая гостья, представьте нас друг другу!

Ефим, более мрачный, чем обычно, буркнул:

– Может, обойдемся без Малого театра?

Бабуся не заметила грубости, а может, просто не поняла, что ей нахамили. Ее лицо сияло самой радостной, приветливой улыбкой. Кара попыталась загладить бестактность муженька:

– Роза Константиновна, это Лампа. Лампуша – это мама Ефима, Роза Константиновна.

– Ах, у вас интересное имя, – заморгала бабушка, – никогда не слышала подобного. А полностью, если с отчеством, как вас величать? Лампада?

Я глянула на старушку, та цвела улыбкой. Нет, похоже, не издевается, и впрямь не знает.

– Евлампия Андреевна, но лучше просто Лампа.

– Ах, ах, ах, Евлампия! Ну надо же, так звали мою бабушку, вот уж не предполагала, что встречу в нынешние времена молодую женщину с подобным именем. Хотя, помнится, когда Фимочка был маленьким, мы ездили каждый год на Рижское взморье, в те годы считалось очень полезным снимать дачу на Балтийском море. Так вот, жили у старой латышки Эльзы. У той, только представьте себе...

– Роза Константиновна, – перебила свекровь Карина, – я вам положила чудесное мясное суфле, Евгений теперь спе-

циально для вас будет готовить диетическое. Кушайте, остывает.

— А я не люблю горячее, — не сдалась старушка и, ковыряя вилкой нежное мясо, продолжила: — У этой Эльзы имелось четыре сына, а муж во время Отечественной войны сотрудничал с фашистами. Кстати, латыши встретили немцев с распростертыми объятиями, надеясь, что Гитлер победит коммунистов. Но вышло по-иному.

— Мама, ешь! — грубым тоном сказал Ефим.

— Да, да, спасибо, чрезвычайно вкусно, — закивала головой Роза Константиновна. — Мужа Эльзы, естественно, посадили, она одна поднимала детей. Первый мальчик...

Голос старухи, неожиданно громкий, звонкий, какой-то въедливый, проникал в меня почти до печени. Иногда, когда собеседник начинает вываливать мне на голову кучу ненужных сведений, я, старательно изображая на лице полнейшее внимание, просто отключаюсь, начиная думать о своем. Впрочем, наверное, всем встречались на жизненном пути редкостные зануды, которые на дежурный вопрос: «Как дела?» — мигом начинают рассказывать вам о всех своих проблемах. Но Роза Константиновна обладала тем редким тембром голоса, о котором мечтают политические деятели. Господь наградил даму явно элитными голосовыми связками. Во-первых, если закрыть глаза, то создается полное впечатление, что кричит молодая женщина, а во-вторых, от ее рассказов, казалось, некуда деться. Уйти в себя невозможно, го-

лос навязчив и громок, а убежать из столовой просто неприлично, все-таки даме явно за семьдесят!

– Второй сын оказался более удачным, – гремело под толчком, – у него родилось двое детей, ну да о них потом.

Ефим встал, молча взял тарелку с недоеденным мясом и ушел.

– Он сначала пытался работать врачом, – сообщила Роза Константиновна, перекрывая гудок электрички, проносящейся мимо Алябьева, – но Эльза...

– Ой, – подскочила Кара, – надо же, я совсем забыла!

Качая головой, она вынеслась за дверь.

– Эй, погоди, – выкрикнула Тина, кидаясь за ней, – ты мне нужна!

– Нам тоже! – проорали Кирюшка с Лизаветой и, прихватив со стола по два пирожка с капустой, спешно ретировались.

– Ее возмутило, что невестка не подает ему завтрак, – не останавливалась бабуля, – и она...

Максим судорожно закашлялся:

– Извините, мне надо выпить микстуру, простыл.

Через минуту в столовой остались только беспрестанно болтающая Роза Константиновна, я и Настя, не сумевшие найти повода для бегства. Впрочем, мне повезло. Не прошло и пяти минут, как в дверь заглянула горничная Ася и вежливо сообщила:

– Евлампия Андреевна, там к вашим собачкам ветеринар-

ша приехала.

Обрадовавшись сверх меры, я понеслась на выход, голос Розы Константиновны подталкивал меня в спину, словно железный кулак. Впрочем, старушку не смутило, что у нее осталась лишь одна слушательница, бедная Настя. Бабушка повернулась к ней и воскликнула:

– Деточка, сейчас все расскажу!

Последнее, что я увидела, закрывая дверь столовой, это абсолютно несчастный взгляд девушки, предназначенной в жертву говорливой старушонке.

Глава 8

С ветеринаром нам повезло. Милая, отлично знающая свое ремесло Леночка очень любит животных. Они платят ей тем же и охотно идут к ней в руки. У Лены имеется машина, весьма потрепанная «Ока», на которой она лихо рулит, никогда не отказывая своим пациентам. Впрочем, у нее двое детей, не слишком большой оклад, и ей очень нужны деньги.

Рыженькая собачка спокойно дала себя осмотреть.

– Явно домашняя, – пробормотала Лена, – блох нет, когти подстрижены, уши чистые, да и кормили, похоже, очень хорошо, совсем не истощенная. Ба, да на ней ошейник, смотри.

Я наклонилась и увидела на шее собачки тоненькую полосочку светло-коричневой кожи, почти слившейся по цвету с густой рыжей шерстью.

– Надо снять, – посоветовала Лена, – иногда с изнаночной стороны хозяева пишут адрес или телефон.

Мы стащили полосочку и обнаружили на ней надпись, сделанную синей шариковой ручкой: «Эми».

– Эми, – позвала я.

Собачка затрясла хвостом, выражая полнейшую радость.

– Вот и познакомились, – улыбнулась Лена и стала осматривать ее лапу.

Спустя некоторое время ветеринар пробормотала:

– Странное дело. Кости целы, никаких ран нет, я думала,

может, в подушечке застряла заноза, но, похоже, нога совершенно целая и здоровая. Интересно, отчего Эми ее поджигает?

— Она громко заплакала, когда увидела меня, — сказала я, — и заковыляла на трех ногах.

— Ну, ну, — пробормотала Лена и спросила: — Эй, Эми, хочешь кушать?

Волшебный глагол мигом был понят найденышем. Собачонка резво соскочила с дивана и забегала по комнате на четырех конечностях, не испытывая ровным счетом никаких неудобств.

— Знаешь, что я тебе скажу, — протянула Лена, — тут чистая психология. Эми — настоящая симулянтка, помнишь, как Муля залезла на диван и изображала умирающего лебедя?

Я засмеялась: конечно, помню. Наша толстененькая, прожорливенькая Мулечка обожает перекусить, но вот беда, ей велено сидеть на диете. У мопсов случается ожирение сердца и, как следствие этого, преждевременная смерть. А мы не хотим, чтобы Мульяна покинула нас. Поэтому и стараемся строго придерживаться предписанного ветеринаром рациона. Мясо, овощи, фрукты, нежирная рыба и никаких конфет вкуче с кашей и макаронами. Но Мульдозер, так прозвал мопсика Кирюшка, как все тучники, обожает именно то, что строго запрещено. Она, конечно, слопаёт и мясо с овощами, но без упоения и восторга, а вот от мороженого или ватруш-

ки с творогом может прийти в настоящий экстаз.

Зимой мы обнаружили у нее на грудке жировик и решили от греха вырезать липому. Естественно, операцию провели под общим наркозом, потом Муля восседала на диване, в горе подушек, слабо взвизгивая, если неудачно поворачивалась. Ей было больно и некомфортно в бинтах. Швы велели снять на седьмой день, и мы всю неделю таскали ей на софу строго запрещенные, но обожаемые яства: мороженое, пряники, макароны с сыром, рисовую кашу и – венец разврата – восхитительное сдобное печенье курабье. Потом, освободив Мульку от швов и бинтов, мы взвесили ее, схватились за голову и мигом посадили обжору на отварную капусту.

Так вот, увидав, что в миске лежат противные зеленые листья, Мулечка мигом залезла на диван и застонала. Мы прибежали на звук. Хитрая мопсика полулежала на подушках, весь ее вид говорил: «Мне плохо, я страдаю, несите быстро вкусную еду и выкиньте, бога ради, отвратную капусту, знаете же, что я не перевариваю овощи из семейства крестоцветных». Она долго еще прикидывалась недужной, укладываясь при каждом удобном случае в пледы.

– Думается, Эми когда-то поранила лапку, – пояснила Лена, – и запомнила, как вокруг нее скакали, вот и решила разжалобить тебя.

Я посмотрела на весело прыгающую Эми. Похоже, Лена права.

– Эй, Лиза, Кирюша, Тина!

– Что? – завопили дети, гурьбой влетая в комнату.

– Сделайте на компьютере объявление о пропаже собаки и расклейте по поселку.

Ребята очень обрадовались новому занятию.

– Ща сгоняю к Редькиным и узнаю, сколько домов в Алябьеве, – оживился Кирюша, – и повесим объяву на каждые ворота.

– Ага, – подхватила Лиза, – еще сделаем фото собаки и пропустим через сканер.

– Точно, – подскочила Тина. – Побежали.

И они улетели, уронив по дороге пару стульев и очередную напольную вазу. Слава богу, что они все в этом доме сделаны из небьющегося материала: латуни, бронзы и дерева.

– Да, – покачала головой Лена, – я спокойна за судьбу Эми, она знала, под чьими воротами усесться.

Костин позвонил на следующий день после трех.

– Можешь приехать в пирожковую?

– Конечно, – обрадовалась я, – моментом прилечу.

– Смотри только, чтобы мне потом не пришлось ехать на Садовое кольцо, к начальству, в ГИБДД и выручать тебя, ясно? – буркнул Володя.

Я обиженно промолчала. Конечно, я вожу машину не слишком профессионально, но вполне нормально, зря Вовка придирается. Из лап ГИБДД он вытаскивал меня всего па-

ру раз и то за мелкие нарушения – отчего-то я не нравлюсь сотрудникам дорожно-постовой службы, и они, вместо того чтобы просто, как со всех, взять с меня деньги, отбирают у несчастной Лампы права и вынуждают отправляться сначала в сберкассау, а потом в отделение.

На этот раз Вовка опоздал, влетел в пирожковую запыхавшись и с ходу заявил:

– Слушай, дело не слишком приятное.

Я притухла.

– На дне бачка...

– Про джинсы и револьвер знаю.

– Ага. Имей в виду, кровь Глеба Лукича. А на рукоятке пистолетика отпечатки пальцев Рады. Год тому назад Радю почти до обморока напугал грабитель. Подстерег ее возле входа в бутик и рванул с плеча сумочку. Ее муж страшно обозлился и решил сделать женошке подарок. Заказал в Ижевске на оружейном заводе эту пукалку и преподнес Раде. Она ее все время с собой таскала. Разрешение имеется, оформлено по всем правилам. Рада, конечно, принялась бить себя в грудь, клясться, что не понимает, каким образом орудие убийства попало под подоконник в ее спальню, но у следователя веры ей нет, там полно ее отпечатков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.